

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*РУССКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ*

№ 2 / 2013

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 2

Выходит 6 раз в год

2013

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 25.05. 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 25.05. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 2

Issued 6 times a year

2013

Series «RUSSIAN PHILOLOGY»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозёров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – к. филол. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.А. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Doctor of Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozherov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulyn – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitseovich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhani University (China)

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Отв. ред. серии: **Лекант П.А.**, д. филол. н., проф.,
зам. отв. ред.: **Шаповалова Т.Е.**, д. филол. н., проф.
Члены ред. коллегии серии:
Алексеева Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Аношкина В.Н.** д. филол. н., проф.; **Копосов Л.Ф.**, д. филол. н., проф.; **Леденёва В.В.**, д. филол. н., проф.; **Моторин А.В.** д. филол. н., проф. (НГУ им. Ярослава Мудрого, Новгород); **Нагорный И.А.**, д. филол. н., проф. (БГУ, Белгород); **Петров А.В.** д. филол. н., доц. (ПГУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск);
Гладров В., д., проф. (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия); **Гржибкова Р.**, д. (Карлов университет, Чехия); **Шеншина В.А.**, лектор Хельсинского университета (Финляндия)

Editor-in-chief - **P.A. Lekant**, Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief - **T.Ye. Shapovalova**, Doctor of Philology, Professor
Members of Editorial Board: **L.F. Alexeyeva**, Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina**, Doctor of Philology, Professor; **L.F. Kopsosov**, Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva**, Doctor of Philology, Professor; **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (Yaroslav Mudry Novgorod State University); **I.A. Nagorny**, Doctor of Philology, Professor (Belgorod State University); **A.V. Petrov**, Doctor of Philology, Associate Professor (Pomorsky State University, Arkhangelsk); **V. Gladrov**, Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibkova**, Doctor (Charles University, Czech Republic); **V.A. Shenshina** Lecturer of Helsinki University (Finland)

ISSN 2072-8522

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2013. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – 70 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26173**.

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**
© МГОУ, 2013.
© Издательство МГОУ, 2013.

ISSN 2072-8522

Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2013. – № 2. – М.: MSRU Publishing house. – 70 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26173**.

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**
© MSRU, 2013.
© MSRU Publishing house, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Калинин А.Ф.</i> ФОРМАЛЬНАЯ И СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТИПА КАКИХ ТОЛЬКО ПОДАРКОВ ЕМУ НЕ НАКУПИЛИ! (СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ).....	5
<i>Карпухина Н.М.</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОСТАВНЫХ НЕПРЕДИКАТИВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО ТЕРМИНИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ....	12
<i>Лаврушина Е.В.</i> К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БОГАТСТВА И.С.ТУРГЕНЕВА В ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.....	16

Публикации аспирантов

<i>Духовнова Е.О.</i> КРАСКИ ФЛОРЫ В ЗЕРКАЛЕ СУБСТАНТИВНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	21
<i>Душкина О.С.</i> СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТИВНОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ С ОСТАВНОГО ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО СО СВЯЗКАМИ ПРИТВОРИТЬСЯ – ПРИТВОРЯТЬСЯ, ПРИКИНУТЬСЯ – ПРИКИДЫВАТЬСЯ	26
<i>Каменская Е.В.</i> ГОДОВЫЕ СЕЗОНЫ ДОНА В КОМПОЗИТНОМ ОПИСАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)	31
<i>Новикова А.С.</i> ПОКАЗАТЕЛИ ВЫВОДА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОЗАМЕНЫ	37

ЛИТЕРАТУРА

Публикации аспирантов

<i>Капралова И.Г.</i> ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ П.Ю.ЛВОВА («БОЯРИН МАТВЕЕВ»)	42
<i>Калинин С.С.</i> СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЮРИЯ КУБЛАНОВСКОГО	46
<i>Тульская О.С.</i> ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК И.А.ИЛЬИНА	50

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научная конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание» (Рязань, 26–28 сентября 2012 г.)	58
XLIV Виноградовские чтения в МГУ им. М.В. Ломоносова	62

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Н.В. Юдиной «Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? В помощь магистрантам». – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.	64
--	----

НАШИ АВТОРЫ.....	67
------------------	----

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- A. Kalinin.** Formal and semantic organisation of Russian phraseologically bound sentences such type as What gifts he has not been bought just! (structural and grammatical, logical and semantical aspects) 5
- N. Karpukhina.** Structural Types of Compound Non-predicative Terms and Functionally Determined Names 12
- E. Lavrushina.** On Keeping Idiomatic Wealth of I. Turgenev in German Translations 16

Publications of post-graduate students

- E. Dukhovnova.** Paints of Flora in the Mirror of Substantives Metaphorical Phrases of the Poetry of The Silver Age 21
- O. Dushkina.** Semantics of Predicative Noun in the Structure of Complex Predicate with the Link-Verbs of *Pritvoritsa – Pritvoryatsa, Prikunutsa – Prikidyvatsa* 26
- E. Kamenskaya.** Don Seasons in the Composite Description (Based on the Novel by M. Sholokhov “Quiet Flows The Don”) 31
- A. Novikova.** Markers of Conclusion: Opportunity of Interchangeability 37

LITERATURE

- I. Kapralova.** The Historical Novel by P. Lvov (“Boyar Matveev”)..... 42

Publications of post-graduate students

- S. Kalinin.** The Uniqueness of Poetic Thinking of Yuri Kublanovsky 46
- O. Tulskaya.** Literary and Artistic Peculiarity of Fairy Tales of I. Ilyin..... 50

THE SCIENTIFIC LIFE

- International Scientific Conference «I. Sreznevskiy and Russian historical linguistics» (Ryazan, 26-28 September 2012)..... 58
- XLIV Vinogradov Readings in Moscow State University in Lomonosov Moscow State University ...62

REVIEW

- Review of the monograph by N. Yudina «The Russian language in the 21st century: crisis? Evolution? Progress? Postgraduate Facilitators». – Moscow: Gnosis, 2010. –293 pp. 64

- OUR AUTHORS 67

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1` 367.624

Калинин А.Ф.

*Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
(Балашиовский филиал)*

ФОРМАЛЬНАЯ И СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТИПА КАКИХ ТОЛЬКО ПОДАРКОВ ЕМУ НЕ НАКУПИЛИ! (СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

A. Kalinin

*The Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
(Balashov branch)*

FORMAL AND SEMANTIC ORGANISATION OF RUSSIAN PHRASEO- LOGICALLY BOUND SENTENCES SUCH TYPE AS WHAT GIFTS HE HAS NOT BEEN BOUGHT JUST! (STRUCTURAL AND GRAMMATICAL, LOGICAL AND SEMANTICAL ASPECTS)

Аннотация. В статье в результате разно-аспектного анализа русских фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не накупили!* выявлена их формальная и смысловая организация, описана их лингвистическая сущность, охарактеризованы семантические структуры, что дало возможность предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации и приблизиться к построению общей типологии исследуемых единиц, что имеет определённое значение для теории синтаксиса простого предложения в русском языке.

Ключевые слова: русский язык, фразеологизированное предложение, структурно-грамматический аспект, логико-семантический аспект, односоставное и двусоставное предложение, семантическая структура предложения.

Abstract. Upon analyzing Russian phraseologically bound sentences such type as *What gifts he has not been bought just!* from various aspects, their formal and semantic organisation has been appeared, their linguistic essence has been described and semantic structures have been characterized. All the above have given opportunity to propose their semantical, structural and grammatical classifications and to approach the task of creating a general typology of these units.

It has determinate for syntax theory of simple sentence in the Russian language.

Key words: Russian language, phraseologically bound sentence, structural and grammatical aspect, logical and semantic aspect, one-member sentence and two-member sentence, semantic structure of sentence.

В русском языке, как и в других славянских и шире – индоевропейских языках, в системе простого предложения существуют различные оппозиции; центральными из них являются противопоставления свободные/фразеологизированные и двусоставные/односоставные предложения.

Свободные предложения строятся по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами. К фразеологизированным предложениям, или предложениям фразеологизированной структуры, или синтаксическим фразеологизмам, мы относим, вслед за авторами «Русской грамматики», предложения с индивидуальными отношениями и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых соединяются идиоматически, а служебные и местоименные слова, частицы и междометия функционируют в них не по действующим синтаксическим правилам, а также фразеологические построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений [12, с. 217].

Следует отметить, что хотя синтаксические фразеологизмы представляют собой значительный языковой пласт и широко употребляются в разговорной речи и в отражающих эту речь жанрах художественной литературы и публицистики, просторечии, однако их место в языке недостаточно определено ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису [9, с. 428; 11; 10].

В современных лингвистических исследованиях языковых особенностей фразеологических конструкций в оборот вводятся термины «фразеосхема» и «фразеомодель», отражающие существо номинации рассматриваемых явлений в большей мере, чем общепринятый термин «синтаксический фразеологизм», и указывается, что в отличие от свободных схем предложения фразеосхемы имеют парадигматические ограничения [17].

Что касается оппозиции «двусоставность/односоставность» предложения, то следует

подчеркнуть, что в современной русистике существуют две диаметрально противоположные точки зрения на данную проблему. Традиционная точка зрения, идущая от академика А.А. Шахматова, исходит из наличия в языке как двусоставных, так и односоставных предложений [16, с. 49]. Противоположная концепция, проводимая профессором Г.А. Золотовой и её сторонниками, признаёт функционирование в языке только двусоставных предложений [6, с.33]. Следовательно, проблема типологии простого предложения, определения его односоставности или двусоставности является весьма актуальной.

Полагаем, что и в русском языке, и в других индоевропейских языках, функционируют двусоставные и односоставные предложения. Нами разделяется точка зрения В.В. Бабайцевой, В.В. Виноградова, Н.С. Валгиной, П.А. Леканта, Е.С. Скобликовой и других исследователей, выделяющих, как и А.А. Шахматов, двусоставные и односоставные предложения.

В данной статье рассматриваются фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не накупили!*, исследуется их формальная и смысловая организация, что представляется актуальным. Лингвистическая сущность данных предложений не изучена, не определены их типология и положение в системе простого предложения в русском языке. В связи с этим актуальным является вопрос типологии таких предложений. В статье они исследованы в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом. При рассмотрении данных предложений в структурно-грамматическом аспекте исследуются их формальная организация, грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

В фразеологизированных предложениях типа *Каких только подарков ему не накупили!* выражается значение множественности и разнообразия (субъектов, объектов), связанное с ослаблением прямых значений как у местоименного слова, так и у отрицания [12, с.

217]. Данные фразеологизированные предложения открываются местоименным словом *каких* в форме родительного падежа множественного числа, прямое значение которого утрачено, за ним следует частица *только* и далее – лексически свободное существительное в родительного падеже множественного числа, лексически свободное личное местоимение или его синтаксический эквивалент в дательном падеже; предложение замыкает главный член – лексически свободный глагол в форме множественного числа с позиционно закреплённой частицей *не*. В данных фразеологизированных предложениях выражается утверждение, хотя по форме они являются отрицательными. Местоимение *каких* в таких экспрессивно окрашенных восклицательных предложениях выражает высокую эмоциональную оценку или степень качества.

Фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не купили!* могут быть как нерасчленёнными – в их составе нет детерминантов, так и расчленёнными, если в их составе наличествуют детерминанты.

Детерминанты в данных расчленённых фразеологизированных предложениях имеют пространственные значения: *Каких только игрушек ему там не дарили!*; временные: *Каких только книг нам в детстве не покупали!*; значения отношения к лицу: *Каких только сказок мне с сестрой не рассказывали!*; причинные: *Каких только мерзостей ему сгоряча не говорили!*; целевые: *Каких только наветов ей назло не рассказывали!*

Фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не купили!* в структурно-грамматическом аспекте – это глагольные односоставные неопределённо-личные предложения, имеющие в своём составе один главный член – лексически свободный глагол совершенного или несовершенного вида в форме множественного числа индикатива или сослагательного и условного наклонения: *Каких только драгоценностей ей не дарили!*; *Каких только подарков*

ей не обещали бы! *Каких только сюрпризов им бы не преподносили!*

С целью выявления лингвистической сущности фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* в структурно-грамматическом аспекте, рассмотрим, как реализованы в таких предложениях синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие универсальное грамматическое значение предложения, – предикативность [3, с. 268]¹, а также категория синтаксического субъекта и семантическая категория агенса, или деятеля.

В сложной синтаксической категории модальности обычно выделяют объективную модальность и субъективную модальность [14], однако выявляют и другие модальные значения [2, с. 54-61; 4; 7, с. 16-20].

В фразеологизированных предложениях типа *Каких только подарков ему не купили!* проявляется объективная модальность реальности/ирреальности; способами её выражения являются морфолого-синтаксический и интонационно-синтаксический.

В данных фразеологизированных предложениях, в функциональном аспекте являющихся повествовательными, с главным членом – глаголом в форме настоящего, прошедшего или будущего времени индикатива, проявляется объективная модальность реальности: *Каких только цветов моей первой учительнице не дарили (не дарят, не будут дарить)!*

И в таких фразеологизированных предложениях проявляется объективная модальность ирреальности в формах синтаксических ирреальных наклонений: сослагательного наклонения: *Каких только денег ему не предлагали бы!* и условного наклонения: *Каких только бриллиантов ей бы не дарили!*

В анализируемых фразеологизированных предложениях на фоне объективной модальности реальности/ирреальности посредством вводно-модальных компонентов *конечно, несомненно, возможно, пожалуй* и др. выражается субъективная модальность,

имеющая значение достоверности/вероятности: *Каких только должностей ему, конечно, тогда не обещали!*; *Каких только поздравлений ей, вероятно, в этот день не говорили!*

Вместе с тем исследование показало, что субъективная модальность ограниченно проявляется в данных фразеологизированных предложениях, что, по-видимому, обусловлено их структурой и семантикой.

Категория времени выражает отношение высказывания к моменту речи. Понятие синтаксической категории времени ввёл в русистику академик А.А. Шахматов, который полагал наличие данной категории во всех типах предложений – и в глагольных, и в безглагольных [16, с. 19].

В современной лингвистике рекомендуется строго различать категории морфологического и синтаксического времени. Морфологическое время проявляется только в формах изъявительного наклонения; оно является одним из значений формы слова (глагола), формально выражающееся средствами морфем. Синтаксическое время – это категория уровня предложения, имеющая свои формальные средства выражения: структурную схему предложения как исходный член оппозиции, выражающий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [5, с. 543].

Синтаксическая категория времени [15] реализуется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности – одной из форм её проявления.

Фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не накопили!* имеют неполную временную парадигму – формы прошедшего и будущего времени с главным членом – лексически свободным глаголом совершенного вида: *Каких только игрушек ребёнку не накопили (не накопят)!*

Фразеологизированные предложения данного типа имеют полную временную парадигму, то есть формы настоящего, про-

шедшего или будущего времени индикатива, если главный член в них – лексически свободный глагол несовершенного вида: *Каких только сказок этой девочке не рассказывали (не рассказывают, не будут рассказывать)!*

Фразеологизированные предложения данного типа образуют, как было отмечено, формы синтаксического сослагательного и условного наклонений.

Следовательно, такие фразеологизированные предложения обладают, в зависимости от вида глагола – главного члена этих предложений, – четырёхчленной или пятичленной модально-временной парадигмой.

Лексемы с временным значением в составе данных фразеологизированных предложений влияют на выражение времени; они уточняют, конкретизируют в них значение времени. Так, в фразеологизированном предложении *Каких только ролей ей не давали потом!* значение будущего времени выражено лексемой *потом* – детерминантом с временным значением.

Основополагающими в теории простого предложения являются синтаксические категории лица, субъекта и семантическая категория агенса, в значительной степени определяющие структурно-грамматический тип предложения.

Категория лица выражает отношение содержания высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу.

В фразеологизированных предложениях типа *Каких только подарков ему не накопили!* форма главного члена – лексически свободный глагол во множественном числе – не указывает на определённое лицо. Однако в их структуре наличествует словоформа в дательном падеже, которая может указывать на отношение содержания высказывания к первому, второму или третьему лицу: *Каких только презентов мне (тебе, ей) не дарили!*

Таким образом, в данных фразеологизированных предложениях может быть представлена полная микропарадигма лица.

«Субъект грамматический», или синтаксический, – это «словоформа с предметным

значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета: *Девочка весела; Олень бежит; Бегущий олень*. В более узком толковании грамматический субъект – это подлежащее» [8, с. 353].

Фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не купили!*, как и другие типы односоставных фразеологизированных и свободных предложений, в принципе являются бессубъектными. В них отсутствуют такого рода доминирующие словоформы с предметным значением, при которых были бы словоформы, обозначающие их признак.

Агнс, или деятель, – это производитель глагольного действия. В исследуемых фразеологизированных глагольных неопределённо-личных предложениях типа *Каких только подарков ему не купили!*, имеющих значение действия, агнс (агнсы) словесно не выражен, является имплицитным; главный член – лексически свободный глагол в форме множественного числа – указывает на неопределённого агенса, или деятеля: *Каких только вещей им не приносили!; Каких только машин ему не пригоняли!*

Итак, исследование фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они, будучи односоставными глагольными неопределённо-личными фразеологизированными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются бессубъектными, с неопределённым агенсом (или агенсами), и характеризуются особенностями выражения категорий модальности, времени и лица.

Рассматривая фразеологизированные предложения типа *Каких только подарков ему не купили!* в логико-семантическом аспекте, мы учитываем, что в современной русистике существует несколько концепций по поводу общей семантики предложения. Широкое распространение получила денотативная, или референтная, концепция значения предложения, основанная на выявлении

отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией или событием.

Семантическую структуру предложения мы определяем, исходя из его формальной организации. Полагаем, как Н.Н. Арват, Н.Ю. Шведова и другие исследователи, что семантическая структура предложения – это созданный на предикативной основе семантический комплекс, являющийся результатом взаимодействия семантических компонентов и отражающий взаимосвязь типизированных элементов экстралингвистической действительности [1, с.14; 12, с. 124].

Разграничивают элементарные, простейшие семантические структуры, в состав которых входят элементарные семантические категории или семантические компоненты: семантический предикат (семантический предикативный признак), семантический субъект и семантический объект – и неэлементарные, расширенные семантические структуры, включающие в свой состав неэлементарные семантические компоненты с различными определительными и обстоятельственно-определительными значениями [12, с. 124-125].

Проведённый компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* показал, что семантические структуры таких предложений могут быть четырёх-, пяти- и шести-компонентными.

Четырёхкомпонентные элементарные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* состоят из семантического субъекта, неопределённого имплицитного, то есть словесно не выраженного, семантического предиката, выраженного глаголом в форме множественного числа, и двух семантических объектов. Специфика субъекта здесь заключается в том, что это или «кто-то» (некто) или «некоторые». В данных семантических структурах значение действия, речи, мысли, отношения направлено на два объекта, один из которых выражен лексически свободным существительным в

форме родительного падежа множественного числа в сочетании с местоименным словом *каких* и частицей *только*, а другой – местоимением или существительным в дательном падеже: *Каких только дворцов этому императору не строили!*; *Каких только басен ей не рассказывали!*; *Каких только фокусов им не показывали!*

Пятикомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* делятся на две группы:

1) семантические элементарные структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и трёх семантических объектов. В данных семантических структурах значение действия, речи, мысли, отношения направлено на три семантических объекта, один из которых выражен лексически свободным существительным в форме родительного падежа множественного числа в сочетании с местоименным словом *каких* и частицей *только*, другой – местоимением или существительным в дательном падеже, а третий компонент – существительным или местоимением в косвенном падеже с предлогом: *Каких только слов ему о Петровых не говорили!*; *Каких только сообщений ей о нём не присылали!*;

2) семантические неэлементарные структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката, двух семантических объектов и семантического квалификатора, или конкретизатора. В данных семантических структурах значение действия, речи, мысли, отношения направлено на семантические объекты; семантический конкретизатор указывает на время, место, причину, цель или способ проявления действия, речи, мысли, отношения; семантический конкретизатор выражен наречием или существительным в косвенном падеже с предлогом или без предлога: *Каких только докторов им там не предлагали!*; *Каких только телеграмм ему специально не присылали!*; *Каких только процедур ей тогда не назначали!*

Шестикомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* являются неэлементарными и включают в свой состав семантический субъект, семантический предикат, три или два семантических объекта и соответственно один или два семантических конкретизатора. В данных семантических структурах значение действия, речи, мысли, отношения направлено на семантические объекты; семантический конкретизатор (или конкретизаторы) указывает на время, место, причину, цель или способ проявления действия, речи, мысли, отношения; семантический конкретизатор или конкретизаторы выражены наречием или существительным в косвенном падеже с предлогом или без предлога: *Каких только сплетен ему о ней тогда не передавали!*; *Каких только лекарств им в то время из-за границы не присылали!* *Каких только успехов моему другу тогда в новом бизнесе не желали!*

Приведённый перечень семантических структур фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* не является законченным и может быть продолжен.

Наиболее распространёнными в современном русском языке являются четырёхкомпонентные семантические структуры данных предложений.

Компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!*, направленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показывает, что такие предложения являются *д в у с о с т а в н ы м и* (двучленными).

Исследование данных фразеологизированных предложений в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом – выявило различие в их типологии.

В структурно-грамматическом аспекте, или на поверхностном уровне, такие предложения являются *о д н о с о с т а в н ы м и*

глагольными предложениями; однако в логико-семантическом аспекте, или на глубинном уровне, они представляют собой двусоставные предложения.

Такое разноаспектное исследование фразеологизированных предложений типа *Каких только подарков ему не купили!* дало возможность предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации, что даёт основание к построению общей типологии и, по-видимому, должно учитываться при изучении синтаксиса простого предложения.

Примечание

¹При этом учитывается мнение М.Ю. Сидоровой о том, что в современной лингвистике наблюдается тенденция к осмыслению предикативности в сторону формального и содержательного сужения [13, с. 447].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арват Н.Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (Текст лекций). – Черновцы: Изд-во Черновиц. гос. ун-та, 1976. – 68 с.
2. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С.54-61.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 254-294.
4. Волкова Е.П. Особенности выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2008. – № 1. – С. 40-45.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
6. Золотова Г.А. Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. – 1989. – № 5.
7. Золотова Г.А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. – Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2008. – С. 16-20.
8. Краткий справочник по современному русскому языку/ Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1995. – 382с.
9. Ксенофонтова Л.В. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 428.
10. Меликян В.Ю. Основы теории синтаксической фразеологии. – Saarbrücken, 2011.
11. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. – 2010. – №11.
12. Русская грамматика: В 2т. – Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980 – 710с.
13. Сидорова М.Ю. Синтаксические термины и синтаксические сущности (на примере понятия предикативность) // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 446-447.
14. Топтыгина (Орехова) Е.Н. Сложноподчинённые изъяснительные конструкции с эксплицитным модусом // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2010. – № 2. – С. 63-69.
15. Шаповалова Т.Е. ЗНАЧИТ как показатель категории синтаксического времени в двусоставном предложении с аналитическим сказуемым // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2010. – № 5. – С. 34-37.
16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
17. Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: КомКнига, 2006. – 152 с.

УДК 351.72:006.72

Карпухина Н.М.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОСТАВНЫХ НЕПРЕДИКАТИВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО ТЕРМИНИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

N. Karpukhina

Plekhanov Russian University of Economics

STRUCTURAL TYPES OF COMPOUND NON-PREDICATIVE TERMS AND FUNCTIONALLY DETERMINED NAMES

Аннотация. В статье раскрывается проблема сочетаемости в терминоведении, в частности в процессе образования составных наименований; даётся характеристика наиболее значимых моделей образования составных непредикативных терминов, способов связи слов в непредикативных составных номинациях.

Как наиболее распространённые среди непредикативных составных терминологических номинаций отмечены двухкомпонентные.

Определены роль и место заимствований в качестве независимого компонента термина или профессионально терминированного наименования.

В особую группу в статье выделены термины и профессионально терминированные номинации, представляющие собой сочетания существительного с предлогом или без него, включающие в свой состав местоимения, прилагательные, а также вербальные сочетания.

Ключевые слова: терминосистема товарно-денежного обращения, классификация, свободные и устойчивые словосочетания, компоненты модели, непредикативные термины и профессионально терминированные наименования.

Abstract. The article addresses the problem of the co-occurrence of general terminology and, in particular, the process of formation of compound names. It provides a description of the most relevant models of compound non-predicative term formation, the method of word connection in non-predicative compound formations. Two-component formations are regarded as the most wide-spread among the non-predicative compound terminological formations.

Word borrowings are distinguished as independent components of a term or a functionally determined name.

The article deals with a special group of terms and functionally determined names which represent a combination of nouns either with or without preposition; including pronouns, adjectives and verbal combinations.

Key words: terminology system of commodity-money circulation, classification, free phrases and collocations, model components, non-predicative terminology and functionally determined.

Среди составных номинаций терминосистемы товарно-денежного обращения как в сфере функционирования, так и в сфере фиксации имеют место непредикативные синтаксически свободные и синтаксически устойчивые сочетания. Однако эта классификация относительна, поскольку любое сочетание слов даёт новые смыслы, а не простую сумму слов. В языке имеются основания для такого разделения. Свободные словосочетания с имеющимся в их составе термином не обладают понятийной целостностью, их лексико-семантическая структура неустойчива, порядок следования компонентов может быть дистантным. Устойчивые словосочетания обладают воспроизводимостью компонентов и невозможностью их

замены или исключения, им присущ фиксированный контактный порядок следования компонентов.

Составные номинации объединяют в одно целое два или более полнозначных слова. Составной термин, в отличие от однословного термина, является носителем не только номинативной нагрузки, но и синтаксических отношений. Характер связи слов в непредикативных составных номинациях является подчинительным. Для более чёткой структурно-грамматической классификации составных терминологических номинаций выясним их возможные модели.

Наиболее распространёнными среди непредикативных составных терминологических номинаций являются *двухкомпонентные* термины. Подобная картина наблюдается практически во всех терминосистемах [2; 3; 4]. Двухкомпонентные составные термины имеют разнообразные структуры. По признаку морфологической природы стержневого слова двухкомпонентные составные термины экономической сферы бывают субстантивными, адъективными и адverbиальными. Наибольшую группу, как в составных терминах, так и в профессионально терминованной лексике, составляют номинации, представляющие собой субстантивные сочетания. Они формируются по двум моделям: A+S и S+S_{род. п.}.

Рассмотрим первую: A+S. Составные номинации, образованные по этой модели, выражают атрибутивные отношения между опорным и зависимым компонентами.

В подобных составных номинациях нормативными считаются препозиция прилагательного (определения) и постпозиция существительного (определяемого). Например: *банковский риск, валютный риск, кредитный риск, процентный риск* и др. В сфере фиксации требуется инверсия: препозиция существительного, представляющая здесь наименование родового понятия, и постпозиция прилагательного, сужающего объём выражаемого понятия, выделяя в нём видовой признак, например: *валюта базисная,*

валюта замкнутая, валюта мягкая, валюта твёрдая и др.

Исключением в сфере фиксации являются некоторые составные термины с абсолютной устойчивостью компонентов: *блуждающий капитал, ценная бумага* и др. Сравните: *облигация «младшая», облигации «мягкие», облигация «вечная», облигация «ободранная», облигация «пассивная»* и др.

Продуктивность описываемой модели свидетельствует о том, что регулярность адъективной структуры способствует выражению классификационных отношений, формирующих иерархическую структуру терминологий, при которой видовые термины одного уровня иерархии образуют субполе (субпарадигму).

Термин *заём* образует целый род составных номинаций: *беспроигрышный заём, беспроцентный заём, бессрочный заём, внешний заём, внутренний заём, выигрышный заём, гарантийный заём, государственный заём, золотой заём, компенсационный заём, облигационный заём, открытый заём, целевой заём*. Сравните в профессионально терминованной лексике: *«стриженный заём», деньги дорогие, «деньги денежные», «деньги длинные», «деньги короткие», «деньги грязные», «деньги горячие», «деньги серые»* и т. д.

Как видим, в профессионально терминованных наименованиях компоненты могут стоять во множественном числе (*деньги дорогие, риски страхуемые*), а прилагательное нередко находится в постпозиции: *«сделка дружеская»* – ‘незаконные действия, связанные с превышением цены на ценные бумаги’ [5, с. 298].

Особенно много по этой модели образуется профессионально терминованных наименований с терминологической доминантой *рынок*. Сравните составные термины: *мировой рынок, зональный рынок, внутренний рынок, внешний рынок, легальные рынки, нелегальные рынки, первичные рынки, вторичные рынки* и др. Сравните профессионально терминованные наименования: *рынок заброшенный, рынок «крепкий», ры-*

нок «легкопонижительный», рынок ленивый, рынок «малоактивный», рынок «неравномерный», рынок «несовершенный», рынок «неустойчивый», рынок «совершенный», рынок «сцепленный», рынок «уличный», рынок «черный», рынок «четвертый» и др. Можно включить в эту группу и причастия, которые выступают в роли зависимого компонента: валюта «хромающая»; «погруженный капитал»; двери «крутящиеся»; цена «успокаивающая»; долг «плавающий»; ставка «плавающая» и др.

Компоненты этой модели выражают атрибутивные отношения по признаку характеристики действия, например: «погружённый капитал» – деньги, израсходованные на приобретение не имеющих ценности архивов [Рбкз: 242].

Особо следует отметить, что в профессионально терминованных номинациях в качестве опорного независимого компонента очень часто выступают иноязычные по происхождению экономические термины, например: валюта («мягкая», «твёрдая»); аукцион («добровольный», «закрытый», «двойной»); заём («девственный», «стриженный»); индекс («досадный»); ипотека («младшая»); коносамент («чистый», «нечистый»); облигация («свечная», «старшая», «младшая», «мусорная»); конкуренция («прозрачная») и др.

Однако чаще в качестве опорного компонента используются в профессиональных терминованных номинациях исконно русские слова: деньги, доходность, бумага, нога, рука, рынок, средства, цена, товар, письмо, возврат, вход, игра, разница, обязательство, воротнички и др.

На базе двусловных составных профессионально терминованных номинаций образуются трёхсловные номинации по модели А+AS, например: «ломаная» кривая спроса; «старшая ценная бумага»; «ясельный» производственный комплекс; «кабинетная ценная бумага»; «ценная» банковская деятельность.

Во вторую большую группу составных номинаций входят субстантивные терминованные наименования, образованные по

модели S+S_{род. п.} и их модификации S+S в различных падежах с предлогами. В составных номинациях, образованных по этой модели, стержневой компонент всегда располагается в препозиции, а зависимый – в постпозиции. Между стержневым и зависимым компонентами возможны разные отношения: **объектные**: «чистка окон», снятие сливок, причёсывание баланса, украшение витрин», «поддержание цен», избежание налогов, сжатие капитала, отмывание денег; **субъектные**: «делатель рынка», «налёт медведей»; **партиципальные**: «глубина рынка», «ширина рынка», «утечка умов», «бегство капитала», «чистка окон»; **посессивные**: «ножницы цен», «политика зонтика», «зонтик цен», «рынок медведей», «рынок быков»; **атрибутивные**: час «быка», час «медведя», «вершина дерева», «инструменты приказа»; **комплетивные**: «дерево решений», «дерево целей», «глубина рынка».

Стержневой компонент в таких словосочетаниях нуждается в обязательном распространении.

Высокую степень продуктивности составных номинаций двух моделей можно объяснить тем, что определённые типы словосочетаний (синтаксические – с препозитивным, аналитические – с постпозитивным субстантивом) являются сегодня оптимальными языковыми единицами, называемыми понятиями с конкретизирующими их квалификационными признаками [1]. Субстантивные составные номинации образуют модели с зависимыми компонентами существительными в родительном, винительном и предложном падежах с предлогами, в дательном и творительном падежах с предлогами и без предлогов.

Среди профессионально терминованных наименований можно отметить номинации, образованные путём соединения существительных в именительном падеже с другими существительными в родительном падеже с предлогом у («расчёт у окна»), с предлогом без («дата без дивиденда», «ценная бумага без вариантов»), с предлогом с («опцион с возвра-

том»), существительных в винительном падеже в предложом **под** (контракт **«под ключ»**), существительных в дательном падеже с предложом **по** (подписка **по** каплям), существительных в творительном падеже с предложом **за** (**«за пределами цены контракта»**) и др.

Весьма активны в сфере профессионально терминированных наименований биномы, компоненты которых стоят в именительном падеже и соединяются с помощью дефиса, второй компонент может дополнять и уточнять семантику первого компонента, например: **«затраты-выпуск»**, **«затраты-эффективность»**, **«стоп-вперёд»**, **«рука-ключ»**, **«чек-река»** – или выражать антонимичные отношения: **«волки-овцы»**, **«кошки и собаки»**.

Биномные терминированные сочетания могут распространяться, например: **платеж «воздушный шар»**, **модель «доходы-расходы»**. Следует отметить, что в составных профессионально терминированных номинациях модели $S+S_{\text{род. п.}}$ в качестве опорного компонента чаще всего выступают отглагольные существительные, которые содержат негативную или реже позитивную коннотацию, например: **«избежание налогов»**, **«налёт»** медведей, **«отмывание»** денег, **«перегрев»** экономики, **«раскрашивание»** ленты, **«сжатие»** капитала, **«снятие сливок»**, **«украшение витрины»**, **«утечка»** умов, **«чистка окон»**, **«издержки меню»** и др.

Встречаются составные профессионально терминированные номинации, состоящие из трёх и более компонентов: **«инкубаторы новых фирм»**, **«дерево целей и задач»**, **«достижение отца семейства»**, **«закон синих небес»**, **«издержки стоптанных башимаков»**, **модель «усреднённого изобилия»**, **«окно льготных кредитов»**, **«жертва продольной пилы»**, **«оговорка условий контракта»**, **политика «дешёвых денег»**, **политика «дорогих денег»**, **«ножницы цен»**, **рынок «федеральных фондов»**, **«теория инерционного эффекта»**, **«чистое плавание валютных курсов»**, **эффект «воздушного шара»**, **эмиссия «розовой формы»**, **«широта товарной номенклатурной корпорации»**.

Особо следует выделить профессионально терминированные наименования, представляющие собой слова или сочетания слов, наименования, обособившиеся и ставшие носителями понятия. Чаще всего они представляют собой сочетания существительного с предложом или без предлога: **«на место»**, **«над чертой»**, **«к закрытию»**, **«и проценты»**. Нередко они могут включать в свой состав местоимения или прилагательные: **«в вашу сторону»**, **«в мою сторону»**, **«на почтительном расстоянии»**, **«любой ценой»**. Встречается форма глагола настоящего времени первого лица единственного числа: **«знаю»**.

К ним примыкают терминированные вербальные сочетания: глагол плюс существительное в винительном или родительном падежах или в сочетании с наречием, или с инфинитивом, например: **«бежать впереди»**, **«исполнить или отменить»**, **«уйти с рынка»**, **«окрестить джека»**, **«продать книгу»**, **«поймать котировку»**.

В отличие от терминологии, в профессионально терминированной лексике товарно-денежного обращения мало многословных сочетаний. Это обусловлено в значительной степени экстралингвистическими факторами, в частности, особыми условиями функционирования номинаций товарно-денежного обращения (**рынок, бизнес, предпринимательство**).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М., 1980. – 253 с
2. Кобрин Р.Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1979. – № 6. – С. 1-7.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
4. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. – 1990. – №3. – С. 80-87.
5. Рынок, бизнес, коммерция, экономика. Толковый терминологический словарь. (Рбкэ) Изд. IV. – М., 1998 – 478 с.

УДК 821.161.1-31/32 Тургенев = 112.2

Лаврушина Е.В.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БОГАТСТВА И.С.ТУРГЕНЕВА В ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

E. Lavrushina

Plekhanov Russian University of Economics

ON KEEPING IDIOMATIC WEALTH OF I. TURGENEV IN GERMAN TRANSLATIONS

Аннотация. В статье рассматривается один из сложных компонентов идиостиля И.С. Тургенева – фразеологический. Фразеологизмы обладают большой образностью и выразительностью, часто имеют национальную специфику, что усложняет переводческую задачу. Автор характеризует основные способы фразеологического перевода и выделяет параметры соизмеримости фразеологизмов разных языков, а именно: актуальную семантику, стилистическую окраску, фразеологический образ. Благодаря доступности и единству внутренней формы в различных языках можно выделить фразеологические эквиваленты четырёх видов, которые характеризуются полным тождеством образов, а также фразео-семантические соответствия, характеризующиеся весьма отдалённым семантическим сходством. Обращение к творчеству И.С. Тургенева вызвано прежде всего тем, что основа тургеневского языка литературная, оживляемая лексико-фразеологическими разговорными средствами, которые до настоящего времени не были подробно изучены.

Обращение к подробному анализу межъязыковых фразеологических соответствий призвано решительным образом опровергнуть утверждения о непереводаемости фразеологизмов. Даже в случаях невозможности сохранения образных картин можно проследить существование в различных языках идентичных фразеологизмов, построенных по одной модели, что обеспечивается универсальными законами человеческого мышления.

Анализ многочисленных примеров произведений И.С. Тургенева разных жанров позволяет сделать вывод, что, несмотря на различия образных картин при реализации общей фразеобразовательной модели, значение фразеологизма, стилиевая принадлежность

Abstract. The article analyses one of the complex components of idiom style of the author: phraseological one. Idioms are very figurative and expressive, often contain national specific elements, and this makes translation a difficult task. The author describes the fundamental ways of a phraseological translation and emphasizes parameters of idioms comparison in different languages, namely: actual semantics, stylistic coloring, phraseological image. Thanks to availability and universal inner forms in all languages we can identify 4 types of phraseological equivalents, identical in meaning, as well as phrases with little semantic similarity.

The author chose Turgenev's works, as their language is literary, enriched by alive lexical and idiomatic elements, which to date have not been studied in detail.

The analysis of phraseological relations between languages is intended to refute the opinion that idioms can not be translated. Even in cases when there is not a straight image correspondence, one can find identical idioms in different languages, built by one model, which is due to universal laws of human thinking.

The analysis of various examples of Turgenev works in different styles allows to come to the conclusion that despite of differences between ways of expressions in the construction of common phraseological model, the meaning of idiom, stylistic allocation are translated very accurately, in most cases such translation is the only possible one.

Key words: lexicon, phraseology, idioms style, phraseological equivalents, phraseological correspondence, phraseological model.

переданы очень точно, в большинстве случаев подобный перевод является единственно возможным.

Ключевые слова: лексика, фразеологизм, идиостиль, фразеологические эквиваленты, фразеологические соответствия, фразообразовательная модель.

Проблема передачи индивидуального своеобразия текста оригинала на языке перевода является одной из главных проблем художественного перевода. Я.И. Рецкер [4, с.13] формулирует задачу переводчика так: «Передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранить его стилистические и экспрессивные особенности». Целостным (полноценным или адекватным) можно считать лишь такой перевод, который «передаёт не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нём» [4, с.13].

С этой точки зрения перевод фразеологических единиц (ФЕ) представляет собой большую сложность, именно ФЕ занимают первое место в ряду переводческих трудностей в поисках эквивалентности: большинство ФЕ обладает яркой образностью, эмоциональной выразительностью, дополнительную трудность создаёт и национальная окрашенность ФЕ.

В современной лингвистике нет однозначного определения понятия фразообразовательной модели. В данной статье под фразообразовательной моделью понимается схема семантического конструирования ряда ФЕ языков, тождество значений которых обусловлено однотипностью логической структуры их фразеологических образов [5, с. 40], т. е. фразообразовательная модель должна схематически воспроизводить процесс семантической трансформации, на основе которого целостное значение фразеологизма возникло как семантический результат переосмысления первоначального значения словесного комплекса-прототипа.

По мнению Ю.П. Солодуба [5, с. 41], фразообразовательная модель позволяет как продемонстрировать образность и индивидуальные образы ФЕ, так и выявить межъязыковые связи ФЕ того или иного языка.

Можно выделить параметры соизмеримости ФЕ разных языков, которые проявляются независимо от специфики грамматического строя и лексико-семантической организации тех или иных языков. К числу таких параметров относятся:

- 1) обобщённо-понятийное содержание фразеологизма («актуальная семантика» ФЕ),
- 2) стилистическая окраска,
- 3) фразеологический образ.

Образная близость разноязычных ФЕ имеет различную степень проявления.

Типологически наиболее близкими являются межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ) – «разноязычные ФЕ, совпадающие по своему образу, значению и стилистической окраске, соотносимые по компонентному составу (без обязательного однозначного соответствия единиц лексико-грамматического уровня) и структурно-грамматической организации» [2, с. 77].

Ю.П. Солодуб [2, с. 43] предлагает выделять несколько типов схождения МФЭ:

- 1) МФЭ с полным однозначным соответствием единиц лексического и грамматического уровней (русс. *правая рука* = нем. (j-s) *rechte Hand*), далее МФЭ-I;
- 2) МФЭ с отсутствием однозначного соответствия единиц лексического уровня (русс. *заячья душа* – болт. *заешико сърце*), далее МФЭ-II;
- 3) МФЭ с отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня (русс. *высасывать из пальца* – нем. *aus der Fingern saugen* (букв. высасывать из пальцев)), далее МФЭ-III.
- 4) МФЭ смешанного типа (русс. *птенец желторотый* – болт. *има жълто на уста-та* (букв. у него жёлто вокруг рта)), далее МФЭ-II-III.

МФЭ можно наблюдать во фразеологических системах самых различных языков, причина этого явления – общедоступность, общечеловечность образа, внутренней формы ФЕ.

В данной статье автор исходит из понимания нетождественности понятий типологически идентичных фразеологизмов и МФЭ

(МФЭ является видовым понятием по отношению к типологически идентичным ФЕ).

Типологически идентичные фразеологизмы – это ФЕ, семантическая структура которых объединена на основе общей фразообразовательной модели, при этом образы могут сохранять глубокое национальное своеобразие.

По степени сходства фразеологических образов типологически идентичные ФЕ неоднозначны: от полного тождества (совпадения) образов до отдалённого сходства, которое поддерживается единством логико-семиотической мотивации различных ФЕ. Типологически идентичные фразеологизмы представлены тремя разновидностями:

1) МФЭ (МФЭ-1, МФЭ-П, МФЭ-Ш, МФЭ-П-Ш);

2) МФС-1 (межъязыковые фразео-семантические соответствия 1-й степени сходства), МФС-1;

3) МФС-П (межъязыковые фразео-семантические соответствия 2-й степени сходства), МФС-П.

МФС характеризуются совпадением плана содержания и различаются планом выражения.

МФС-1 – это фразеологизмы разных языков, совпадающие по своей семантике и стилистической окраске, а также характеризующиеся большой близостью образов (русс. *с глазу на глаз* – нем. *unter vier Augen* (букв. при четырёх глазах) – «только вдвоём, наедине с кем-либо»).

МФС-П – это фразеологизмы, связанные между собой как различные образные реализации общей фразообразовательной модели, т. е. объединяемые прежде всего логико-семиотической формой реализации модели и весьма отдалённым образным сходством. (Ср. фразеологизмы, построенные по модели «то, что является ещё более бесполезным, чем самая бесполезная вещь» —► «что-либо, не заслуживающее никакого внимания, что-либо совершенно ненужное»: русск. *выеденного яйца не стоит* – нем. *(das) ist keine faule Bohne wert* (букв. не стоит гнилого боба)).

Рассмотрим межъязыковые фразео-семантические соответствия второй степени сходства, посредством которых выполнены переводы ФЕ некоторых произведений И.С. Тургенева на немецкий язык.

1. «А коли так, – подумала она, – мне совершенно все равно; видно, тебе, мой батюшка, всё как с гуся вода; иной бы с горя исчах, а тебя ещё разнесло». – «Ah, wenn du mir so kommst», dachte sie, ist es mir ganz gleich. Wie es scheint, hast du ein dickes Fell, mein Lieber; einen anderen hätte der Kummer verzehrt, du aber bist dabei noch fett geworden» (Дворянское гнездо) [8, с. 3].

Фразообразовательная модель «кто-либо абсолютно безразличен к внешним воздействиям, благодаря особенностям своего физического состояния» —► «нипочем, безразлично, не производит никакого впечатления, никак не действует на кого-либо» имеет разные образные реализации: русск. *как с гуся вода* и немецк. букв. *иметь толстую кожу*.

2. Лушин, насмешливый, циничный на словах доктор, знал её лучше всех – и любил её больше всех, хотя бранил её за глаза и в глаза. – *Luschin, der spöttische und in Worten zynische Doktor, kannte sie besser als alle anderen und liebte sie mehr als alle anderen, obgleich er sie hinter ihrem Rücken und ins Gesicht hinein tadelte* (Первая любовь) [12, с. 57].

Это разные образные реализации общей фразообразовательной модели «действовать тайно и явно» —► «очно и заочно, в отсутствии и присутствии кого-либо говорить о нём что-либо, смеяться над ним». *Hinter Rücken und ins Gesicht* – букв. *за спиной и в лицо* (ср. с русским фразеологизмом: *за глаза и в глаза*).

3. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гёте наизусть, сверх того, я долго был влюблён в дочь германского профессора и женился дома на чахоточной барышне, лысой, но весьма замечательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степеняк, как вы полагаете... – *Ich hab Hegel studiert, mein Herr, und kann Goethe auswendig, außerdem war ich lange in die Tochter eines deutschen Pro-*

fessor verliebt und heiratete hier in der Heimat ein schwindsüchtiges Fräulein, die kahlköpfig war, aber eine außerordentlich merkwürdige Persönlichkeit. Folglich bin ich ein Apfel von Ihrem Stamme... (Гамлет Щигровского уезда) [11, с. 64].

Данные ФЕ представляют собой различные образные реализации общей фразообразовательной модели «фрукты (ягоды), выросшие в одном месте» —► «похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т. п.; стоят друг друга, один другого не лучше».

Сравнивая русскую ФЕ *вашего поля ягода* с немецкой *ein Apfel von Ihren Stamme* (букв. *яблоко с вашего ствола*), можно отметить различие образных картин при совпадении обозначаемого явления.

4. – *Aх! Вы вздохнули!* – *передразнила его Марья Николаевна.* – Вот что значит: *взялся за гуж - не говори, что не дюж.* — «*Ah! Sie seufzen!*» – *spottete Marja Nikolajewna.* «*Wie heißt das Sprichwort: Wer A sagt muß auch B sagen*» (Дворянское гнездо) [9, 85].

Данные ФЕ представляют собой различные образные реализации общей фразообразовательной модели «если начал – закончи» —► «доводить до конца задуманное». Сравнивая русскую ФЕ *взялся за гуж - не говори, что не дюж* с немецкой ФЕ (букв. *кто говорит А, должен сказать и Б*), можно отметить различие образных картин при совпадении обозначаемого явления.

Аналогичный перевод предлагает переводчик романа «Отцы и дети» Harry Burck.

«*Нечего делать!* – *сказал наконец Базаров.* – *Взялся за гуж - не говори, что не дюж!*» *Приехали смотреть помещиков, давай их смотреть!* – «*Nun ja*», *gab Basarow nach*, «*wer A sagt muß auch B sagen. Wir sind ja hergereist, um uns diese Herrschaften einmal anzuschauen, schauen wie sie uns also an*» (Отцы и дети) [10, с. 76].

5. *Трембинский.* *Эка, подумаешь, иные люди - точно в сорочке родятся.* – *Wenn man so überlegt, da gibt es Leute, die kommen mit einer Glücksschaube zur Welt* (Нахлебник) [13, с. 43].

Фразеологизмы реализуют общую фразообразовательную модель: «иметь во время

рождения верхний, покрывающий слой, оболочку» —► «быть удачливым, счастливым во всем».

J-d hat eine Glücksschaube mit auf die Welt gebracht – букв. *кто-либо явился на свет в шапочке*, в данном случае образные картины очень близки.

Подводя итог анализа межъязыковых фразеологических соответствий, можно отметить, что, несмотря на различия образных картин при реализации общей фразообразовательной модели, смысл передан очень точно, а в ряде случаев такой перевод является единственно возможным.

В исключительных случаях наблюдается тенденция к сближению образных картин.

«Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» (7, с. 15).

В этом смысле межъязыковые фразеологические соответствия как нельзя более ярко, но одновременно и экспрессивно точно передают стилевое и частично образное богатство языка оригинала средствами другого языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бинович Л.Э., Гришина Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола – М.: Русский язык. 1975 – 615 с.
2. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ семантической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1973. – С. 77.
3. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 550 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 13.
5. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-семантического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – С. 40-43.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 25 т. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960-1968.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 15.

8. Turgenew Iwan. Rudin. Ein Adelsnert. Gesammelte Werke in Einzelbanden. Herausgegeben von Klaus Dornacher. Aufbau—Verlag, Berlin und Weimar, 1969. – 150с.
9. Turgenew Iwan. Ein Adelsnest. — М.: Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1947. – 128с.
10. Turgenew Iwan. Vorabend. Vater und Sohne. Gesammelte Werke in Einzelbanden. Herausgegeben von Klaus Dornacher. Aufbau—Verlag, Berlin und Weimar, 1983. – 210 с.
11. Turgenjew Iwan. Aus dem Tagebuch eines Jagers. B. 1, Aufbau—Verlag, Berlin und Weimar, 1968. – 160 с.
12. Turgenjew Iwan. Assja, Erste Liebe, Frühlingswogen. Aufbau—Verlag, Berlin und Weimar, 1980. – 128 с.
13. Turgenjew Iwan. Wo es nur dünn ist... da reist es auch. Die Versorgung // Samtliche Werke, B. 10, Herausgegeben von Otto Buck und Kurt Wildhagen, Berlin, 1925. – 138с.

Публикации аспирантов

УДК 811.161.1'37

Духовнова Е.О.

Московский государственный областной университет

КРАСКИ ФЛОРЫ В ЗЕРКАЛЕ СУБСТАНТИВНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

E. Dukhovnova

Moscow State Regional University

PAINTS OF FLORA IN THE MIRROR OF SUBSTANTIVES METAPHORICAL PHRASES OF THE POETRY OF THE SILVER AGE

Аннотация. Статья посвящена анализу субстантивных метафорических словосочетаний, обозначающих краски флоры – цветовую палитру растительного мира, отражённую в поэзии Серебряного века. Выделены общеязыковые и индивидуально-авторские метафоры, предложены их интерпретации на основе словарных дефиниций лексем и реализуемых в тексте коннотаций. Отмечены случаи использования субстантивных метафорических словосочетаний в кодирующей функции. Сформулирован вывод о богатом потенциале значений (отношений), заложенных в стандартных моделях субстантивных словосочетаний и предоставляющих широкие возможности для появления новых комбинаций в условиях метафоризации.

Ключевые слова: растительный мир, краски флоры, субстантивное метафорическое словосочетание, цветовая метафора, антропоморфная метафора, Серебряный век, сквозные метафоры.

Abstract. This article analyzes the substantive metaphorical phrases denoting paints of flora – color palette reflected in the poetry of the Silver Age. The author highlighted general linguistic and individual writers' metaphors and offered their interpretations based on the dictionary definitions of tokens and implemented in the text connotations. The article also shows cases of substantive metaphorical phrases in the coding function. The conclusion is made about the rich potential of values (relationships), incorporated in the standard models of noun phrases and that provide ample opportunities for new combinations for metaphors.

Key words: flora, paints of flora, substantive metaphorical phrase, color metaphor, anthropomorphic metaphor, Silver Age, open-end metaphors.

Растительный мир часто становится объектом изображения как в пейзажной, так и в любовной, патристической, философской лирике. При этом особое значение, часто символическое, получают цвета, краски, ставшие объектом нашего внимания.

© Духовнова Е.О., 2013.

Субстантивные метафорические словосочетания, в которых опорное (метафорическое) слово обозначает цвет (признак), а зависимое – предмет или явление, которому этот цвет присущ (носителя признака), используются в поэзии для создания ярких, колоритных образов природы. Мы рассмотрим их доминирующие модели: «сущ. + сущ. в родит. пад.» и «сущ. + прил. (относительное)»; ср., напр.: *золото травы, осеннее золото, ивовая медь* (С. Есенин), *серебро полыни, серебро мха* (М. Волошин).

Цветение, смена деревьями весеннего наряда на летний, летнего – на осенний, осеннего – на зимний, многообразие видов растений, многоцветье лугов, многообразие садовых растений и плодов, освещение полей, лесов во время восхода и заката – вся эта многоликость растительного мира предоставляет широкие просторы для творчества поэтов, для создания красочных, живописных пейзажей. Выбор поэтами того или иного слова, употребляемого в переносном значении, часто вызван стремлением не только передать цвет или оттенок цвета какого-либо объекта, но и отразить состояние природы в момент наблюдения (восприятия) или воссоздания образа этого объекта; ср.: *Равнодушен я стал к лачугам,/ И очажный огонь мне не мил,/ Даже яблонь весеннюю вьюгу/ Я за бедность полей разлюбил* (С. Есенин); *Хорошо в черёмуховой вьюге/ Думать так, что эта жизнь – стезя* (С. Есенин); *Кружились при ветрах и громах/ Снега черёмух* (И. Северянин). Лексемы *вьюга, снега*, передающие близину цветения яблонь и черёмух, отражают интенсивность проявления признака (обилие белых цветков, осыпающих, усеивающих деревья в период цветения), выполняют изобразительную функцию, позволяя авторам провести параллель между зимней непогодой и «подарками» весны. В стихотворении А. Ахматовой можно наблюдать, как тот же образ цветущих черёмух создаётся благодаря субстантивному метафорическому словосочетанию, реализующему помимо изобразительной кодирующую функцию [1];

ср.: *А на закат наложен/ Был белый траур черёмух,/ Что осыпался мелким/ Душистым, сухим дождём...* (*траур* – '(нем. Trauer – печаль). 1. Состояние скорби по умершему, выражающееся в каких-н. общепринятых знаках (в особой одежде, отмене увеселений, общественных собраниях памяти умершего и т. п.). 2. Чёрная одежда или украшения чёрного цвета как выражение этого состояния' [4, т. IV]). Именно в этом отрывке из произведения «Из цикла «Юность», носящего характер воспоминания и написанного белым стихом, задаётся трагически-печальный тон, возрастающий затем от строфы к строфе.

Кодирующая функция, как правило, реализуется тогда, когда цвет обозначается благодаря антропоморфным метафорам – например, в стихотворении С. Есенина «Сорокоуст»; ср.: *Оттого-то в сентябрьскую склень/ На сухой и холодный суглинок,/ Головой разможась о плетень,/ Облилась кровью ягод рябина* (С. Есенин). Если говорить о месте этих строк в общей композиции стихотворения, то они относятся к четвёртой, завершающей, его части, а в идейно-содержательном плане несут основную эмоциональную нагрузку, выражая щемящую тоску лирического героя (самого поэта) по «природной», «деревенской» России, уступающей место цивилизации, «стальной лихорадке», сотрясающей «изб древенчатый живот». Драматический тон усиливается от одной части к другой по мере описания «плодов» технического прогресса: первая часть открывается деревенским пейзажем, сменяющимся во второй части картиной «электрического восхода» с «ремнями» и «трубами»; в третьей – центральным становится образ поезда «на лапах чугунных» («стальной конницы») и неожиданно появляется трогательный образ скачущего за поездом «красногривого» жеребёнка; четвёртая часть вновь завершается пейзажем с облившейся «кровью ягод» рябиной, образ которой становится кодом к постижению идеи произведения. Реализации художественной задачи способствует также кольцевая композиция, символика названия

(*сорокоуст* ‘(церк.) в православной церкви – молитвыобумершемвтечение сорокадней после смерти’ [4, т. IV]) и автобиографичность: в четвёртой части поэт подытоживает: ... *Только мне, как псаломщику, петь/ Над родимой страной аллилуйя*. Следует отметить, что стихотворение посвящено другу С. Есенина поэту А. Мариенгофу, в творчестве которого «звучали» урбанистические мотивы. Кроме того, образ жеребёнка – то рыжего, то красногривого, – «скачущий» из стихотворения в стихотворение, становится у Есенина символичным: жеребёнок ассоциируется с “чистой”, не тронутой цивилизацией природой, с деревней, наконец, с самим поэтом (не случайно жеребёнок «рыжий», ведь волосы у певца русской природы светло-русые, золотистые, рыжеватые (ср.: *Эти волосы взял я у ржи...*)).

Общеязыковыми и «сквозными» среди метафорических обозначений красок флоры являются словосочетания с опорным словом *золото*; ср.: *осеннее золото лип, золото травы, золото трав, золото степей, золото овса* (С. Есенин), *золото листа* (А. Белый). Метафорами же с опорным словом *медь*, также являющимися, как правило, маркерами осени, изобилуют стихотворения С. Есенина; ср.: *осени медь, листьев медь* (3 случая употребления), *медь степей, ивовая медь*. Поэт создаёт трогательные образы, “засекречивая” их при помощи перифраз и уподобляя деревья живым существам (птицам), вернее – их скелетам; ср.: *Как скелеты тощих журавлей,/ Стоят ошипанные вербы,/ Плава рёбер медь* (С. Есенин). В субстантивном метафорическом словосочетании *медь рёбер* зависимый компонент представляет собой перифразу – под *рёбрами* подразумеваются ветки или стволы верб или и то, и другое. Постижению образа, создаваемого антропоморфной метафорой, способствуют и другие художественно-выразительные средства – сравнение (как *скелеты тощих журавлей*) и эпитет *ошипанные* (вербы).

Яркие жёлто-золотые тёплые тона, подобные сиянию золота, как признаки ран-

ней, “золотой” осени, передаются в поэзии Серебряного века и другими лексемами; ср.: *Изыскан огонь осеннего листка* (К. Бальмонт); *Мне всё твоя мерещится работа,/ Твои благословенные труды:/ Лип, навсегда осенних, позолота/ И синь сегодня созданной воды* (А. Ахматова). Особенно интересны языковые «находки» футуриста В. Маяковского: *Поля –/ на миллионы хлебных тонн –/ как будто/ их гладят рубанки,/ а в хлебной охре/ серебряный Дон/ блестит позументом кубанки* (ср.: *охра* ‘минеральная краска жёлтого или красного цвета’ [4, т. II]; *позумент* ‘шитая золотом или мишурой тесьма, служащая для оторочки одежды, мягкой мебели и пр.’ [4, т. III]; *кубанка* ‘(обл.) сорт пшеницы’ [4, т. I]).

К общеязыковым относятся метафоры с опорным словом *изумруд*, передающие ярко-зелёный, «изумрудный» цвет; ср.: ... *Ракиты рыдают о рае,/ Где вечен листвы изумруд* (Н. Клюев). Создавая обобщённый образ русского «тёмного» народа (крестьянства), Н. Клюев намеренно искажает слово *изумруд*, прибегая к стилизации (приближая речь к простонародной); ср.: *Святорусский люд тёмен разумом,/ Страшен козностью, лют обычаем;/ Он на зелен бор топоры вострит,/ Замуруд степей губит полымем*. Ритмическая организация стихотворения (вольный стих) приближает его к народнопоэтическим жанрам.

Сквозными можно назвать цветовые метафоры с лексемой *молоко* в роли опорного компонента, неоднократно используемые С. Есениным как при изображении белизны неба (*молоко небес, рассветное молоко*), так и при создании образов растений; ср.: *Так же ль он [мужик] в полях своих прилежно/ Цедит молоко соломенное ржи?; Пойду в скуфье смиренным иноком/ Иль белобрысым босяком –/ Туда, где льётся по равнинам/ Берёзовое молоко*. Однако «сквозная» метафора с лексемой *молоко* в роли опорного компонента, безусловно, является есенинской: она характерна для поэзии С. Есенина и у других авторов не встречается.

Интерес представляют словосочетания, которые можно трактовать и как метафорические, и как свободные – в зависимости от того, какой смысл (коннотацию) вкладывает в них автор, т. е. какое именно явление хочет ими обозначить. Так, у А. Белого в стихотворении «Мути» создан пейзаж: *Поле убогое;/ Плесени пней:/ В них рогорогое/ Тменье теней*. Если поэт стремится создать целостную картину поля, охватив её одним взглядом, то в этом случае лексемой *плесени* может быть обозначен цвет пней, так как плесени присущ характерный цвет – от бело-серого до желтоватого и серо-зелёного (*плесень* ‘образуемые особыми грибами налёты, скопляющиеся в виде расплывчатых пятен на чём-н. гниющем, сыром’ [3, с. 521]) – тогда *плесени пней* – метафора. Но если в данном контексте задействован не отдельный коннотативный признак (цвет, ‘пятна’) слова *плесень*, а целостное прямое значение, закреплённое за ним, то *плесени пней* – свободное словосочетание с нехарактерным для поэтического языка словоупотреблением (в словарях отмечено, что форма множественного числа существительного *плесень* присуща только научной речи [4, т. III]). Кроме того, выделяется узуальное переносное значение слова *плесень*: «Покрыться плесенью (*ритор.*) – *перен.* одряхлеть, устареть, утратить жизнеспособность» [4, т. III]. Определить доминирующую коннотацию довольно трудно, опираясь на один контекст, хотя предполагаемый здесь приём контраста (*плесень пней* (светлое) – *тменье теней* (тёмное)) отчасти способствует этому: вероятно, внимание здесь акцентировано именно на цвете. Важно понять художественный замысел: к чему обращён взгляд поэта – к «внешней», общей картине представшего перед очами художника пейзажа или к внутренней сущности явлений, скорее скрытой от глаз наблюдателя.

Плоды и ягоды изображаются в ярких красках благодаря номинациям драгоценных камней и минералов, передающим насыщенность цвета, спелость сладких даров природы; ср.: *Где слог найду, чтоб описать прогулку,/ Шабли во льду, поджаренную булку/ И вишен*

спелых сладостный агат? (М. Кузмин). В словарях отмечено, что в поэтических метафорах лексема *агат* (эпитет *агатовый*) часто используется вместо лексемы *гагат* (или *гагатовый*), так как эти два слова очень близки по звуковому составу: *агат* – ‘ценный твёрдый минерал, состоящий из слоёв различной окраски’; ‘(*перен.*) о чёрных глазах, волосах, ошибочно вместо *гагат* (*поэт.*); ср.: *Нет, не агат в глазах у ней* (Пушкин)’ [4, т. I]; *гагат* – ‘(*мин.*) (не смешивать с *агат*!)’. Особый вид каменного угля, получающего сильный лоск при полировке и идущего на брошки, аграфы и др. украшения’ [4, т. I]. В словаре С.И. Ожегова явление смешения этих двух лексем (использование слова *агат* (или *агатовый*) вместо *гагат* (*гагатовый*)) названо контаминацией и проиллюстрировано следующим примером употребления: «*Агатовые глаза* (*перен.*: чёрные и блестящие; контаминация с *гагатовый* от «гагат» – чёрный блестящий камень, употребл. для ювелирных изделий)» [3, с. 26].

Образы цветов (в особенности роз) в поэзии Серебряного века поистине уникальны и колоритны. Каждый из них – маленький шедевр, созданный благодаря оригинальным авторским находкам (использованию конкретных, вещественных, абстрактных имён существительных в качестве опорных (метафорических) слов в субстантивных словосочетаниях); ср.: *Персик зацвёл, и фиалок дым/ Чёрно-лиловый...* (А. Ахматова (*пунктуация авт.* – Е.Д.)); *И будут огоньками роз/ Цвети шиповники, алая,/ И под ногами млет откос/ Лиловым запахом шалфея...* (М. Волошин); *За будни львом на вас рычу/ И за мои нежданные седины/ Отмицаю тягой лебединой! –/ Всё на восток, в шафран и медь,/ В кораллы розы нумидийской...* (Н. Клюев); *Не сдамся! Мне жасмин ограда/ И розы алая лампада,/ Пожар нарцисса, львиный зёв!* (Н. Клюев); «*Будь проклят, полуночный пёс!/ Куда ты в глиняном сосуде/ Несёшь зарю апрельских роз?!*» (Н. Клюев); ... *Мне в весенних грёзах снилась/ Роз таинственная мгла* (Н. Бел-конь-Любомирская). Как видно из

примеров, цвет может быть как ярким, насыщенным, «густым» или ослепительным, «пылающим» (ср.: *кораллы розы, заря роз, огоньки роз, алая лампада розы, пожар нарцисса, мгла роз*), так и тускловатым, «туманным» (ср.: *чёрно-лиловый дым фиалок*). Многообразие слов, передающих яркость, насыщенность, «ослепительность» цвета, позволяет говорить о синонимии метафор (ср.: *огоньки роз, лампада розы, заря роз, пожар нарцисса*)

Таким образом, изображая флору во всём многообразии красок, передавая не только цвета, но и их оттенки (белый, жёлто-золотой, зелёный (изумрудный), ярко-красный, алый, тёмно-пурпурный, багровый и др.), поэты Серебряного века активно используют субстантивные метафорические словосочетания, ставшие продуктивным средством изображения природы и по объёму представленного материала не уступающие эпитетам и другим художественным приёмам. Обилие имён существительных разных лексико-грамматических разрядов, задействованных в качестве опорных слов в таких словосочетаниях, свидетельствует о богатом потенциале возможных значений выделенных конструкций, заложенных «в норме» (семантических моделей) и реализуемых в нестандартных условиях метафоризации [2].

Общеязыковые метафоры, образуемые благодаря именам существительным с узкими значениями (напр.: *золото, позолота, изумруд*), отражёнными в словарях, составляют небольшой процент от общего объёма единиц (26%). Превалируют же индивидуально-авторские, оригинальные метафоры, составившие, соответственно, 74%. При этом наряду со сквозными (проходящими сквозь творчество одного или нескольких поэтов) встречаются синонимичные метафоры, передающие яркость, насыщенность цвета.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дегтярева М.В., Духовнова Е.О. Кодировочная и конспирирующая функции субстантивных метафорических словосочетаний в поэзии Серебряного века (на материале семантического поля «город») // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 20-24.
2. Кнорина Л.В. Нарушение сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста/ Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – С. 115-125.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2000.

УДК 81'367. 332.7

Душкина О.С.

Московский государственный областной университет

**СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТИВНОГО
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ
СОСТАВНОГО ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО СО СВЯЗКАМИ
*ПРИТВОРИТЬСЯ – ПРИТВОРЯТЬСЯ,
ПРИКИНУТЬСЯ – ПРИКИДЫВАТЬСЯ***

O. Dushkina

Moscow State Regional University

**SEMANTICS OF PREDICATIVE NOUN IN THE STRUCTURE OF COMPLEX
PREDICATE WITH THE LINK-VERBS
OF PRITVORITSA - PRITVORYATSA, PRIKUNUTSA - PRIKIDYVATSA**

Аннотация. Статья посвящена описанию основного компонента составного именного сказуемого при связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться*. Проведённое исследование позволило выделить смысловые группы существительных, употребляющихся в форме творительного предикативного падежа с данными связками. Анализ конструкций составного именного сказуемого показал, что именной компонент может быть выражен словом и словосочетанием с определённой семантикой и с различных сторон характеризовать поведение человека.

Ключевые слова: предикативное имя, именной компонент, связки притворства, смысловые группы, лексическое значение.

Abstract. The article is dedicated to the description of basic component of complex predicate with link-verbs of *prtvoritsa – prtvoryatsa* and *prikunutsa – prikidyvatsa*. The article demonstrates the semantic groups of nouns utilized in the form of predicative instrumental case with these link-verbs. The analysis of constructions of complex predicate shows that basic component is expressed by the word and word-combination with definite semantics and characterizes the human's behavior from different perspectives.

Key words: predicative name, basic component, link-verbs of pretence, semantic groups, lexical meaning.

Полузнаменательные связки *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* противопоставлены отвлечённой связке *быть* тем, что А.М. Пешковский назвал «крупницами словарных значений» [6, с. 244]. Они, с одной стороны, выражают грамматическое значение составного именного сказуемого, с другой стороны, дополняют эту семантику различными оттенками. В связках притворства «крупницы» лексического значения играют большую роль. Конкретное лексическое значение этих связок подвергается частичной грамматизации. Например: *Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса и продолжал пошепотом читать мою подорожную* (А. Пушкин). В данном контексте полнозначный глагол *притворился* реализует свой лексико-семантический вариант 'повести себя неискренне' [7, с. 620]. А в предложении: *Сергею Ивановичу, когда он подходил, показалось, что Вронский его видит, он притворяется невидящим* (Л. Толстой. Анна Каренина) *притворился* является связкой. Остаточная семантика влияет на выбор именного компонента и определяет особен-

ности его функционирования: без именного компонента связка не может полностью презентовать то значение, которое появляется у неё в сочетании с предикативным именем.

Связки *притвориться – притворяться, прикинуться – прикидываться, оборотиться – оборачиваться, превратиться – превращаться* – это особенные связки. Благодаря им, появляется возможность увидеть, какие изменения происходят с субъектом притворства, поскольку семантика притворства накладывается на фазисное значение. Отметим, что доля притворства в них различна: если в связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* значение притворства является центральным, ключевым, а сам процесс превращения, перехода из одного состояния в другое, стирается, затухивается, то в связках *оборотиться – оборачиваться* и *превратиться – превращаться* значение перехода из одного состояния в другое превалирует над семантикой притворства. Поэтому возникают трудности разграничения значений притворства и фазисности. Обнаружено, что семантика фазисности связок так или иначе влияет на именную компоненту [см., например, 8]. По мнению В.И. Чернова, фазисные связки *стать, становиться* «подчёркивают изменение предикативного признака, обозначают процесс (результат) обретения субъектом предикативного признака, представляемого в позитивной или негативной характеристике» [8, с. 57]. В силу этой особенности при них возможен только творительный падеж существительного, который не просто называет предикативный признак, но и подчёркивает его изменение. Данные языкового материала свидетельствуют о том, что творительный предикативный существительного при связках *притвориться – притворяться, прикинуться – прикидываться* так же, как и при связках *стать, становиться*, эксплицирует переход предикативного признака из одного качественного состояния в другое.

При связках *притвориться – притворяться, прикинуться – прикидываться*

именной компонент употребляется в форме творительного падежа без предлога. Он выполняет предикативную функцию, то есть осуществляет связь именного компонента со связкой, через связку – с подлежащим и выражает обобщённое значение именного компонента. Такая форма творительного падежа названа П.А. Лекантом специализированной, то есть предназначенной только для выполнения предикативной функции [4, с. 115].

При связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* именными компонентами являются одушевлённые имена существительные, с различных сторон характеризующие человека и его поведение.

Именными компонентами становятся:

1) существительные, обозначающие род деятельности, профессию, чин, социальный статус: Он [Овсянников] и себя не выдавал за дворянина, **не прикидывался помещиком**, никогда, как говорится, «не забывался», не по первому приглашению садился и при входе нового гостя непременно поднимался с места, но с таким достоинством, с такой величавой приветливостью, что гость невольно кланялся пониже (И. Тургенев. Одиночество Овсянников);

2) существительные качественно-оценочной семантики, такие, как *дурак, простак, чудаки, глупец* и др.: – А признайтесь-ка, – прибавил он, вдруг взглянув на меня сбоку, – я должен вам казаться большим чудаком, как говорится, оригиналом, или, может быть, пожалуй, ещё чем-нибудь похуже: может быть, вы думаете, что я **прикидываюсь чудаком?** (И. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда);

3) существительные, передающие поведение человека: *Послушайте, я совершенно одинок на земле. В молодости я вёл жизнь уединённую, хотя, помнится, никогда не прикидывался Байроном...* (И. Тургенев. Переписка);

4) существительные, обозначающие возраст человека: *Вы, любезные читатели, верно, думаете, что я **прикидываюсь** только стариком. Куда тут прикидываться, когда*

во рту совсем зубов нет! (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. Предисловие).

Значение части имён существительных является синтаксически обусловленным (термин В.В. Виноградова) [1, с. 5 – 15]. Это особенное значение, которое приобретает существительным в определённой синтаксической позиции. Например: – *Я, ваше благородие, прибегу... Я мигом оборочу... у меня это... вот как бог свят прибегу! – заспешил осуждённый, и чтобы волк не сомневался, что он может мигом оборотить, таким вдруг **молодцом прикинулся**, что сам волк на него залюбовался и подумал: «Вот кабы у меня солдаты такие были!»* (М. Салтыков-Щедрин. Самоотверженный заяц). В качестве именного компонента выступает существительное *молодцом*, которое входит в смысловую группу ‘поведение’ и обозначает ‘по-молодецки, бодро, а также выражение одобрения тому, кто ведёт себя хорошо, так, как нужно’ [5, с. 363]. Существительное *молодцом* приобретает данное значение только в позиции сказуемого, поэтому оно синтаксически обусловлено. В приведённом ранее предложении ... *хотя, помнится, никогда не прикидывался Байроном...* (И. Тургенев. Переписка) основной компонент составного именного сказуемого выражен именем собственным *Байроном*, которое в контексте стало нарицательным и обозначает человека, романтически настроенного, одинокого и загадочного. Рассмотрим такой пример: – *Ну вот что, дорогой мой, – сурово начал консул. – Давайте-ка без дураков, начистоту. Каким вчера **серафимом прикинулся!** В бордели не ходит, про опиуманов слыхом не слыхивал...* (Б. Акунин. Алмазная колесница). Основной компонент составного именного сказуемого со связкой *прикинулся* выражен именем существительным *серафимом*, которое обозначает ‘в христианстве: ангел, относящийся к одному из высших ангельских ликов’ [5, с. 712]. В данном контексте это существительное, попадая в позицию именного компонента, характеризует поведение человека как безупречное, чистое, непорочное, подобное

ангельскому. Его значение также синтаксически обусловлено. В предложении: <...> ***Прикидывается агнцем**, а потом нанесёт удар исподтишка, как змея ужалит* (Б. Акунин. Весь мир театр) – именным компонентом представлен существительным *агнцем*, имеющим значение ‘ягнёнок (обычно как жертвенное животное)’ [5, с. 18]. Употребляясь в составном именном сказуемом со связкой *прикинуться*, оно характеризует человека как кроткого и беззлобного. Следовательно, и это значение синтаксически обусловлено.

Интересно рассмотреть группу именных компонентов, выраженных словосочетаниями, синтаксически неделимыми в неспециализированных формах и в специализированных формах с функционально обусловленной неделимостью [3, с. 108]. Их особенность заключается в том, что грамматическое значение сосредоточено в главном слове, всё словосочетание передаёт конкретное лексическое значение, а семантическим центром является зависимый компонент, потому что именно он содержит разнообразные смысловые оттенки. «Значение существительного в сказуемом оказывается слишком широким, недостаточным для обозначения признака, и для этой цели привлекается определяющее слово» [2, с. 125]. Зависимое слово словосочетания, являющегося именным компонентом при связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться*, представлено согласуемым словом, поэтому в обобщённом значении именного компонента взаимодействуют два значения – отождествления и качества. Следовательно, обобщённое значение именного компонента можно сформулировать так: «отождествление предмета, обладающего определённым признаком, с другим предметом (обозначенным в подлежащем)» [2, с. 127].

При связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* именным компонентом может быть выражен словосочетанием, входящим в одну из выше перечисленных групп, чаще всего в группу, обозначающую особенности поведения че-

ловека. Например: *Варя чувствовала за этим нечто своё, он такой же, как и она, только притворяется сознательным, как и она **притворяется** в школе **примерной ученицей*** (А. Рыбаков. Дети Арбата). Именным компонентом является словосочетание *примерной ученицей*, характеризующее поведение субъекта притворства со стороны благопристойности, правильности. Это значение является (в терминологии В.В. Виноградова) конструктивно обусловленным, то есть раскрывающимся полностью лишь в этой конструкции. Без зависимого слова *примерной* главный компонент словосочетания *ученицей* не выражало бы того смысла, который присущ всей конструкции. Именной компонент в предложении: *Зачем вы **прикидываетесь** таким... **безукоризненным созданием**, когда вы такой же человек, как и все мы, грешный?* (И. Тургенев. Бретёр) – выражен словосочетанием *безукоризненным созданием*. Лексема *созданием* имеет значение ‘отдельный человек или вообще живое существо’ [5, с. 744] и употребляется только с определением, что обозначено в словаре пометой; ср., например, *милым созданием, несносным созданием* и т. п. Словосочетание *безукоризненное создание* в данном случае имеет конструктивно обусловленное значение ‘человек, отличающийся безупречным поведением’.

Особого внимания заслуживают именные компоненты, представленные словосочетаниями, в которых главное слово выражено существительным, обозначающим животное, например, *медведь, петух, овца* и др., а зависимое передаёт признак, присущий этому животному. Такие слова обладают предикативно-характеризующим значением (в терминологии В.В. Виноградова), которое используется для номинации кого-нибудь в случае индивидуального указания. Употребляясь в предложении для обозначения лица, они описывают человека с определённой стороны, подчёркивая как черты характера человека, так и акцентируя внимание на особенностях, присущих животному. Например, неуклюжего человека называют *мед-*

ведем, петухом – задиристого, а *ослом* – глупого и упрямого человека.

При связках *притвориться* – *притворяться* и *прикинуться* – *прикидываться* в качестве именного компонента используются слова с предикативно-характеризующим значением, но в сочетании с прилагательным, называющим дифференциальный признак имени существительного: – *Зачем я **буду прикидываться пугливой ланью**, раз уж вы меня застукали за таким нешариатским занятием.* – *Саадат показала флягу и папиросу.* – *А кроме того, устаёшь от всего этого... бахчисарайского фонтана.* – *Она кивнула в сторону бассейна.* – *Для дела приходится ломать комедию, но ужасно утомляет...* (Б. Акунин. Чёрный город). Субъект притворства в обществе мужчин при решении деловых вопросов, связанных с бизнесом, прикидывается пугливой ланью. Именной компонент выражен словосочетанием *пугливая лань*, обозначающим слабую, незащищённую женщину, которая отличается нерешительным характером и всего боится. Главное слово в словосочетании *лань* имеет предикативно-характеризующее значение, основанное на пугливости, слабости этого животного. Женщину часто сравнивают с ланью, стараясь подчеркнуть её грациозность, утончённость и слабость. Зависимое слово, прилагательное *пугливой*, подчёркивает в субъекте притворства одно из перечисленных качеств лани.

Рассмотрим такой пример: *Но я виню и себя, потому что дважды совершил непротистительные ошибки. В первый раз в этом самом кабинете, когда вы, искусно переплетая правду с ложью, разыграли передо мной спектакль и **прикинулись благонамеренной овцой*** (Б. Акунин. Любовница Смерти). Именной компонент при связке *прикинулись* выражен словосочетанием *благонамеренной овцой*, которое обозначает чересчур покорного, бессловесного человека, который отличается правильным, нужным образом мыслей. Лексема *овца* здесь имеет предикативно-характеризующее значение, потому что несёт в себе описание индивидуальных

качеств человека определённого поведения. Прилагательное *благонамеренный* придаёт главному слову оттенок правильности действий и поступков.

Как показало наше исследование, именной компонент при связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* может быть выражен именем существительным с определённой семантикой. Это имя существительное характеризует человека с какой-то стороны. Некоторые существительные имеют синтаксически обусловленное значение. При связках *притвориться – притворяться* и *прикинуться – прикидываться* может использоваться также именной компонент, выраженный словосочетанием, где главным словом является имя существительное, относящееся к одной из выделенных смысловых групп, чаще всего обозначающее поведение человека. Особую группу составляют именные компоненты, выраженные словосочетанием, где главным словом является существительное с предикативно-характеризующим значением, которое представляет собой обозначение свойств, присущих животному и проецируемых на человека, тем самым подчёркивая отличительные качества человека через при-

знак, присущий животному. Прилагательное обозначает признак, свойственный этому существительному.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Гольцова Н.Г., Копосов Л.Ф. Мысли о русском слове. Вопросы лексикологии и фразеологии. – М.: Народный учитель, 1994. – С. 5 – 15.
2. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М.: Высш. шк., 1976. – 140 с.
3. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
4. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., доп. – М.: РАН, 1999. – 944 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – 452 с.
7. Современный толковый словарь русского языка (СТС) / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
8. Чернов В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке. – М.: МГПИ, 1985. – 95 с.

УДК - 81'42

Каменская Е.В.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

**ГОДОВЫЕ СЕЗОНЫ ДОНА В КОМПОЗИТНОМ ОПИСАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)**

E. Kamenskaya

Sholokhov Moscow State University for Humanities

**DON SEASONS IN THE COMPOSITE DESCRIPTION (BASED ON THE NOVEL
BY M. SHOLOKHOV "QUIET FLOWS THE DON")**

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры композита – описания реки Дон. На страницах романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» Дон представлен в разное время года. Сезонные композиты-описания объединены наименованием Дон в значении 'река', которое, многократно повторяясь, организует текст романа и является дистантным средством связи его фрагментов. Композиты как фрагменты текста имеют гиперо-гипонимическое устройство. Дон выступает в качестве гиперонима и характеризуется гипонимами: *волны, берега, льдинки, галька, тина, течение, ветер* и др.

Ключевые слова: река Дон, композит, композиция, структура, параметры, гипероним, гипоним, лексические скрепы, времена года.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structure of the composite – the description of the Don River. On pages of the novel «Quiet flows the Don» by M. Sholokhov the Don is pictured in different seasons. Seasonal composite-descriptions are united by the name the Don in the meaning "river", which is frequently repeating, organizes the content of the novel and is a distant means of connection of its fragments. Composites as fragments of the text have hyper-hyponymic organization. The Don serves as a hyperonym and is characterized by such hyponyms as waves, river-banks, pieces of ice, pebbles, ooze, stream, wind, etc.

Key words: the Don River, composite, composition, structure, data, hyperonym, hyponym, lexical ties, seasons.

В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» Дон как река является одним из главных героев романа. Дон-батюшка воплощает борьбу за казачий миропорядок, будучи границей Области войска Донского, разделяет в смутное время гражданской войны красных и белых. Дон, представленный пейзажными описаниями в четырёх природных циклах: осень, лето, зима, весна, символизирует нелёгкий жизненный путь донского казачества.

Ярко и образно рисует автор Дон на страницах романа. Поэтика изображения могучей реки прослеживается в ряде композитов – пейзажных описаний.

«Композит – минимальная структурно-содержательная единица текста: обладает относительной автономностью и законченностью структуры содержания. Композит является компонентом низшего членения текста. По своему содержанию композиты соотносятся: с рамочными конструкциями текста (начало, или интродукция, – финал); с характеристикой персонажа, пейзажа; с фрагментом движения сюжета и др.» [1, с. 123]. Графически композит может совпадать с абзацем, объединять в себе несколько абзацев или быть частью абзаца. Термин соотносится с понятием композиция и в данном значении является минисочинением в составе текста. Композит имеет три параметра: **с т р у к т у р н ы й , л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и й и г р а м м а т и ч е с к и й .** П о д с т р у к т у р н ы м п а р а -

метром понимается членение мегатемы произведения на тему и подтему в составе ансамбля композитов и микротему, а также рамочность конструкции композита, который имеет преамбулу и резюме, обрамляющие единицу текста. Лексико-семантический параметр основан на хромотопических векторах повествования, гиперо-гипонимическом устройстве композита, синонимико-антонимических взаимодействиях внутри семантики, а также смысловых доминантах, представленных в лексике структурной единицы текста. Грамматический параметр предполагает выявление внутрипредложенческих и межпредложенческих связей, реализующихся за счёт дейктических слов, сочинительных и подчинительных союзов, вводных слов и предложений и т. д. Устройство композита связано с режимом изложения сообщения, в основном, с описанием и рассуждением.

Картины природы на страницах романа «Тихий Дон» являются не только фоном для основного действия, природа участвует в жизни казаков, проявляет себя в соответствии с настроениями и характерами героев. Гроза на Дону, изображенная автором в 4-й главе 1-й части романа «Тихий Дон», предвосхищает дальнейшие события в романе: вражду между Степаном и Григорием, раскол в семье Мелеховых, гражданскую войну, разделившую людей на два враждующих лагеря – красных и белых:

К вечеру собралась гроза. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами ('береговой лес, роща, заливаемые в половодье') палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем ('заливной луг') грозно чернело небо, степь выжидающе молчала. В хуторе хлопали закрываемые ставни, от черни, крестясь, спешили старухи, на плацу ('Казач. Площадь в центре станицы, хутора')

колыхался серый столбище пыли, и отягощённую внешней жарой землю уже засекали первые зёрна дождя (Тихий Дон, 1, IV).

Композит-описание равен абзацу, состоит из 8 самостоятельных предложений, раскрывающих тему «Гроза на Дону». Фрагмент имеет рамочную конструкцию. Преамбула *К вечеру собралась гроза* указывает на время суток – *К вечеру* (вечер 'часть суток, сменяющая день и переходящая в ночь') и вводит гипероним (родовое слово) *гроза*. Во 2-7 предложениях даётся развёрнутое описание донской грозы. Гипероним **гроза** уточняется гипонимами (видовыми словами): *бурая туча*, *Дон*, *взлохмаченный ветром*, *гребнистые*, *частые волны*, *сухая молния*, *давил раскатами гром*, *чернело небо*, *первые зёрна дождя*.

Гроза – феномен природы, соединяет в себе символизм Света и Тьмы, Огонь и Воду, два противоположных элемента. С точки зрения славянской мифологии, образ грозы наполнен сакральным смыслом: дождь является собой жизненную силу, проливающуюся с неба, союз Неба и Земли; молнии – небесное оружие богов против тьмы (атрибут бога-громовержца Перуна, второе название молнии – «перуница»). В представлении древних славян дождь, питающий землю, дающий жизнь растениям и животным, а также молнии являлись предзнаменованием добра [7, с. 36-90].

М.А. Шолохов в романе «Тихий Дон» трактует грозу иначе. Гроза, дождь и Дон олицетворяют единство водной стихии, но эта стихия враждебна человеку. **Бурая туча** (бурый 'серовато-коричневый или серовато-рыжий') и **чёрное небо** (грозно **чернело** небо) символичны, являются зловещими предвестниками грядущих перемен в жизни главных героев романа. Символичен также образ коршуна, которого с криком преследовали вороны. В портрете Григория Мелехова автор неоднократно подчёркивает «такой же, как у бати, вислый коршунячий нос» (Тихий Дон, I, 1), что позволяет провести параллель между коршуном, которого преследуют вороны, и главным героем романа. Ворон демоничен,

связан со смертью, олицетворяет силы ада. «В русских народных сказках ворон приносит Ивану-царевичу мёртвую и живую воду, что несомненно указывает на его связь с загробным миром» [7, с. 103]. Дурной приметой считалось появление ворона на левой стороне дома, а также во время сева. Встреча в воздухе двух или более воронов предвещала войну. Автор, опираясь на мифологические образы, создаёт грозный пейзаж-предупреждение.

Резюме: В хуторе хлопали закрываемые ставни, от вечерни, крестясь, спешили старухи, на плацу колыхался серый столбище пыли, и отягощённую внешней жарою землю уже засеивали первые зёрна дождя – имеет завершающе-обобщающее значение и связано с основной частью фрагмента и преамбулой с помощью: 1) лексических повторов – *стала над хутором* – хлопали *в хуторе*; давил *землю* – отягощённую *землю*; 2) дериватов однокоренных слов – *собралась к вечеру* – спешили *от вечерни*. Автор использует метафору-сравнение зёрна дождя, что подчёркивает этничность его сознания, глубокое понимание писателем нерасторжимой связи казаков-хлеборобов с природой. «Речевая структура романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», являясь эпопеей о жизни донского казачества, прошлого и настоящего вольных беглых людей, селившихся на Дону начиная с XIV в., отражает идиосферу художника слова: это региональная картина казачьего мира, включающая концепты памяти, опыта, жизненного быта и др.» [2, с. 277].

Времена года на Дону

Жизнь казака-земледельца подчинена природному циклу смены времён года. Дон является природоведческим календарем жизни донского казачества и по-разному представлен автором в течении времени:

По Дону катились на запад тёмно-зелёные, вспенённые ветром волны. В тиховодье у берегов они обламывали хрупкий прозрачный ледок, раскачивали зелёные пряди тины-шелковицы. Над берегом стоял хрустальный звон бьющихся льдинок, мягко шуришала омывае-

мая водой прибрежная галька, а на середине реки, там, где течение было стремительно и ровно, – Григорий слышал только глухие всплески и клёкот волн, толпившихся у левого борта баркаса, да низкий, басовитый, неумолчный гул ветра в обдонском лесу (Тихий Дон, 8, VII).

Представленный композит-описание раскрывает тему «Дон весной». Композит равен абзацу, включает 3 самостоятельных предложения, имеет гиперо-гипонимическое устройство. **Дон** выступает в качестве гиперонима и характеризуется гипонимами: *волны, берега, льдинки, галька, тина, течение, ветер*. Связь предложений внутри композита осуществляется с помощью лексических скреп, к которым относятся: 1) лексические повторы слов – *вспенённые ветром* – *гул ветра*; *катились волны* – *клёкот волн*; *тёмно-зелёные волны* – *зелёные пряди*; *обламывали у берегов* – *стоял над берегом*; 2) однокоренные слова: *обламывали у берегов* – *прибрежная галька*; *обламывали в тиховодье* – *омываемая водой*; *прозрачный ледок* – *звон льдинок*.

Композит имеет рамочную конструкцию. Первое предложение *По Дону катились на запад тёмно-зелёные, вспенённые ветром волны* является преамбулой. Лексические приоритеты преамбулы – *вспенённые ветром, тёмно-зелёные волны* повторяются в заключительном предложении (резюме), образуя лексико-семантическое кольцо – описание Дона весной.

Автор, воссоздавая поэтику донского края, экспрессивно и образно запечатлевает реалии окружающего мира. С этой целью М.А. Шолохов задействует пять человеческих восприятий: зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое, обонятельное. Дон наполнен разнообразными звуками: хрустальный звон бьющихся льдинок (автор акцентирует существительное *звон* качественным прилагательным *хрустальный* в переносном значении ‘чистый, прозрачный’), мягко шуришала галька, глухие всплески и клёкот волн, низкий, басовитый, неумолчный гул

ветра. Осязательное восприятие помогает почувствовать *хрупкий* ‘очень ломкий, легко раскалывающийся’ ледок.

Доминирующим восприятием является зрительное, так как 90% информации о внешнем мире человек получает через орган зрения. Палитра красок, которую использует писатель в своих произведениях, индивидуальна и является одним из показателей его внутреннего духовного склада, отображает своеобразное поэтическое видение художника слова.

Цветовые обозначения, используемые М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», чрезвычайно разнообразны. В произведении насчитывается свыше сотни оттенков цветов. Доминирующий цвет при описании Дона – *зелёный* ‘цвета травы, листы’: *тёмно-зелёные* волны, *зелёная* тина-шелковица. Зелёный цвет ассоциируется автором с весной и обновлением, что свидетельствует о вере писателя в живительные силы природы, способной вновь и вновь возродиться.

Колоративное прилагательное *зелёный* многократно повторяется в композитах-описаниях Дона, выступая межкомпозиционным дистантным лексическим средством связи, «сшивая» текст произведения.

Лето на Дону

Поскрипывая вёдрами, Аксинья сошла к Дону. У берега жёлтым пыльным кружевом на зелёном подоле волны змеилась пена. Белые чайки-рыболовы с криком носились над Доном.

Серебряным дождём сыпала над поверхность воды мелочь-рыбёшка. С той стороны, за белую песчаную косу, величаво и строго высились седые под ветром вершины старых тополей. Аксинья, черпая воду, уронила ведро. Вода щекотала натёртые подвязками икры, и Аксинья в первый раз после приезда Степана засмеялась, тихо и неуверенно (Тихий Дон, 1, XVI).

Осень на Дону

В ноябре в обним жали морозы. Ранний перепадал снежок. На колена против верх-

него конца хутора Татарского стал Дон. По хрупкому сизому льду перебирались редкие пешеходы на ту сторону, а ниже одни лишь окраинцы (‘ледок возле берега’) подёрнулись пузырястым ледком, на середине бугрилось стремя, смыкались и трясли седыми вихрами зелёные валы. На яме, против Чёрного яра, в дрямах (‘коряги’) на одиннадцатисажженной глубине давно уже стали на зимовку сомы, в головах у них – одетые слизью сазаны, одна бел (‘частиковая рыба: лещ, судак, сельдь, вобла, жерех и др.’) моталась по Дону да на перемыках (‘узкие места реки’) шаркался судак, гоняясь за калинкой (‘рыба густера: небольшая пресноводная рыба сем. карповых’). На хрящу (‘крупный песок с мелкой галькой’) легла стерлядь. Ждали рыбаки морозов и поядрёней, покрепче, – чтобы по первому льду поширить цапками (‘Рыб. Сеть для подлёдного лова рыбы с металлическими крючьями’), полатать красную рыбу (Тихий Дон, 4, VI).

Зима на Дону

Против мелеховского двора Дон не замёрз. По краям зеленоватый в снежных переносах крепнул лёд, под ним ластилась, пузырилась не захваченная стремением вода, а подальше середины, к левому берегу, где из чернойря били ключи, грозная и манящая чернела полынья в белых снежных заедях (‘Антроп. Расщелины во льду реки’); по ней чёрными конопушками переныривали оставшиеся на зимовку дикие утки (Тихий Дон, 2, VIII).

Весна на Дону

Снег падал и таял на лету. В полдень в ярах (‘овраг’) с глухим шумом рушились снежные оползни. За Доном шумел лес. Стволы дубов оттаяли, почернели. С ветвей срывались капли, пронзали снег до самой земли, пригревшейся под гниющим покровом листвадалицы. Уже манило пьяным ростепельным (‘оттепельный’) запахом весны, в садах пахло вишенником. На Дону появились прососы (‘скважины’). Возле берегов лёд отошёл, и проруби затопило зелёной и ясной водой окраинцев (Тихий Дон, 6, XXI).

Представленные композиты соответствуют четырём циклам года: весне, лету, осени и зиме – и объединены гиперонимом *Дон* в значении 'река'. В трёх композитах *Дон* позиционно расположен в преамбулах: *Поскрипывая вёдрами, Аксинья сошла к Дону; В ноябре в обним жали морозы. Ранний перепадал снежок. На колёне против верхнего конца хутора Татарского стал Дон; Против мелеховского двора Дон не замёрз*. Преамбула второго фрагмента указывает на время действия – *жали в ноябре* и пространственно ориентирует читателя – *на колёне* 'изгиб Дона, идущего ломаной линией, от одного поворота до другого' *против верхнего конца хутора Татарского*. Преамбула третьего фрагмента также указывает на пространство – *против мелеховского двора*.

Композиты имеют гиперо-гипонимическое устройство. *Дон* является гиперонимом и уточняется гипонимами, указывающими на описываемое время года: весна – *прососы, лёд отошёл, проруби затопило*; лето – *жёлтым кружевом змеилась пена* (жёлтый цвет пена приобретает, окрашиваясь цветом чистого песка); осень – *ранний снежок, по хрупкому льду, подёрнулись пузырчатым ледком, бугрилось стремя, смыкались и трясли седыми вихрами валы*; зима – *крепнул лёд, чернела полынья в белых снежных заедях*.

Композиты связаны между собой дистантными лексическими «швами», к которым относятся: 1) лексический повтор – *на зелёном подоле волны – зелёные валы – зелёной водой; черная воду – затопило водой – пузырилась вода; по сизому льду – крепнул лёд – лёд отошёл; змеилась у берега – отошёл возле берегов – к левому берегу; бугрилось стремя – не захваченная стремением вода; окраинцы – водой окраинцев; бугрилось на середине – подальше середины; седые вершины – седыми вихрами*; 2) дериваты однокоренных слов – *снег – снежок – в снежных переносах, снежные оползни; лёд – подёрнулись ледком; на зелёном подоле – зеленоватый лёд; пузырилась – пузырчатым ледком; крепнул – морозов покрепче; полапать рыбу – мелочь-рыбёшка*; 3) текстовые антонимы – *белые*

чайки-рыболовы – утки переныривали чёрными конопушками; за белью песчаной косы – чернела полынья; по хрупкому льду – крепнул лёд; змеилась пена – бугрилось стремя.

Каждый из фрагментов текста представляет собой мини-сочинение прозаического типа, где тесно связаны два режима изложения – описание и повествование [4, 5]. Взаимосвязь описания и повествования в тексте романа является одной из особенностей художественного стиля М.А. Шолохова.

Задача автора – воссоздать в произведении специфический быт казачества. С давних пор казаки селились по берегам рек. С XVI века начинают упоминаться в документах казачьи городки на Дону. Городки строились либо на острове и были окружены водой со всех сторон, либо по берегам рек. Это способствовало развитию таких промыслов, как рыболовство и охота.

«Для Шолохова (как и для Максима Горького) природа есть поле деятельности человека» [3, с. 99], поэтому автор подробно останавливается на казачьих промыслах. Рыболовство – один из основных промыслов казаков, что отразилось во фрагментах-описаниях Дона. Резюме композита «Осень на Дону»: *Ждали рыбаки морозов поядрёней, покрепче – чтобы по первому льду пошарить цапками, полапать красную рыбу* – имеет завершающе-обобщающее значение и подводит итог описания Дона осенью. Также завершающе-обобщающее значение имеют резюме композитов «Лето на Дону» и «Весна на Дону».

Дон, представленный автором в композициях-описаниях в разное время года, по-своему хорош: летом неспешно, величаво несущий свои воды; осенью угрюмый, холодный, чуть подёрнутый ледком; зимой одетый в ледяные оковы; весной стремительный, бурлящий, рвущийся из ледяных пут на свободу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диброва Е.И. Пространство текста в композитной организации// Структура и семантика художественного текста. – М., 1999. – С. 91-138. – 479 с.
2. Диброва Е.И. Пространство текста в композитном членении// Избр. раб. – Т. I. – М., 2008. – С. 117-170. – 429 с.

3. Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество.- СПб., 2000. – 445 с.
4. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М., 2006. – 232 с.
5. Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи. – М., 2010. – 128 с.
6. Словарь языка Михаила Шолохова/ Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2005. – 964 с.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – СПб., 2000. – 576 с.

УДК 811.161.1'37

Новикова А.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПОКАЗАТЕЛИ ВЫВОДА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОЗАМЕНЫ

A. Novikova

Lomonosov Moscow State University

MARKERS OF CONCLUSION: OPPORTUNITY OF INTERCHANGEABILITY

Аннотация. В русском языке есть ряд слов и фразем, маркирующих отношения вывода (*итак, таким образом, следовательно, значит, выходит, получается* и проч.). В словарях эти показатели вывода толкуются одинаково, однако анализ материала показал, что их взаимозамена возможна далеко не всегда. Статья посвящена выявлению и описанию таких особенностей показателей вывода, которые влияют на возможность их взаимозамены. К ним относятся семантика показателей вывода, их синтаксические и функциональные особенности, а также такие особенности компонентов ситуации вывода, как эксплицитное / имплицитное и перцептивное / информативное обоснование, актуальный / неактуальный, достоверный / недостоверный вывод и т. д.

Ключевые слова: отношения вывода, маркеры вывода, семантика.

Abstract. The Russian language has a number of words and phrases which mark relationships of inference (*итак, таким образом, следовательно, по-моему, etc.*). Dictionaries tend to interpret them similarly, however analysis have shown that they are not always interchangeable. This article tries to detect and describe characteristics which affect their interchangeability. These characteristics include semantics of markers of inference, their syntactic and functional features as well as characteristics of components of inference such as explicit/implicit and perceptive/informative rationale, relevant/irrelevant, reliable/unreliable conclusion, etc.

Key words: conclusion, markers of conclusion, semantics

В русском языке есть слова и фраземы, маркирующие вывод. Это такие единицы, как *итак, таким образом, значит, выходит, стало быть* и т. д. В словарях маркеры вывода описываются, как правило, одинаково или друг через друга, например, в Словаре Д.Н. Ушакова *итак* толкуется следующим образом: “таким образом, в результате всего, следовательно (употр. в начале предложения, являющегося выводом из предыдущего)” [5, с. 1265]. Аналогичные толкования представлены в [1], [4], [3], [2] и т. д.

На том основании, что маркеры вывода толкуются одинаково либо друг через друга, можно прийти к заключению, что в любом контексте один показатель вывода может быть заменён на любой другой. Однако анализ фактического материала показал, что такая взаимозамена возможна далеко не всегда, что подтверждается следующим примером:

(1) *Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.*

– *Ах, вот какие твои подарки!* – обиженно крикнул Карло.

– *Прости, дружище, это не я тебя стукнул.*

– *Значит, я сам себя стукнул по голове?* (А. Толстой)

Адресат (Джузеппе) сообщает Q (*Это не я тебя стукнул*). На основании этого сообщения, а также опираясь на свои знания и представления об окружающем мире, говорящий (далее – Г) делает вывод Р (*Значит, я сам себя стукнул по голове?*). В данном случае слово *значит* нельзя заменить на *таким образом*:

(1') – ***Таким образом**, я сам себя стукнул по голове?

Каждый маркер вывода обладает своими специфическими особенностями: нюансами в семантике, синтаксическими свойствами, сочетаемостью с частицами и наречиями, типологическими особенностями и особенностями функционирования. Любая из этих характеристик может влиять на возможность замены одного маркера вывода на другой. Описание таких особенностей и является целью данной статьи.

Рассмотрим следующий пример:

(2) *В окне горит свет, **значит**, он дома.*

В (2) Г видит, что в окнах горит свет, т. е. имеет место ситуация Q. На основании Q Г делает вывод, что Р (*он дома*). Таким образом, ситуация вывода предполагает наличие двух компонентов: обоснования (Q) и вывода (Р), каждый из которых имеет свои особенности.

1. Характеристика обоснования

Обоснование может быть эксплицитным или имплицитным, перцептивным или информативным, своим или чужим, ожидаемым или неожиданным. И характер обоснования может влиять на выбор показателя вывода.

Так, одни маркеры вывода могут употребляться как при эксплицитном (вербально выраженном), так и при имплицитном (невербализованном) обосновании, см. *значит, стало быть, выходит* и др., другие же совместимы только с эксплицитным обоснованием, см. *следовательно, итак, таким образом*. Взаимозамена таких единиц в условиях имплицитного обоснования невозможна, как показано в следующем примере:

(3) *Семён и Аркадий направились к Петру. Они были уверены, что он дома и будет*

*рад их приходу. Однако, подойдя к дому, они увидели, что в окнах не горит свет. – **Стало быть**, нас не ждут, – сказал Семён.*

(3') – ***Таким образом**, нас не ждут, – сказал Семён.

Приведём ещё один пример. Лексемы *вероятно, должно быть, наверно* и некоторые другие предполагают перцептивное обоснование, в то время как *следовательно* и *итак* требуют информативного обоснования¹ и не могут заменить *выходит, вероятно* и под. в контекстах перцептивного обоснования, например:

(4) – *Ну и где он? Ушёл из дома? Пустился во все тяжкие? Связался с кем-то? Где мой мальчик?? – Алёна металась по комнате. – Успокойся. Вернётся он. Побродит по улицам, проголодается, замёрзнет и вернётся, никуда не денется.*

Спустя несколько часов дверь тихонько скрипнула, и в комнату вошёл Павлик, замёрзший и мокрый.

– **Выходит**, ты был прав, вернулся, – тихо сказала Алёна.

(4') – ***Следовательно**, ты был прав, вернулся, – тихо сказала Алёна.

2. Характеристика вывода

Как и обоснование, вывод имеет свои характеристики. Так, вывод может быть актуальным или неактуальным, достоверным или недостоверным, кроме того, высказывание, выражающее вывод, может выполнять разные иллокутивные функции. И это также влияет на выбор показателя вывода.

¹ Е.С. Ярыгина отмечает, что «обоснование осуществляется либо на основе знания, либо на основе восприятия говорящего. Следовательно, в компоненте «обоснование» воплощается либо *модус знания*, либо *модус перцепции* (или *наблюдения*)...» [6, с.174]. Таким образом, различаются 1) перцептивная аргументация и 2) информативная аргументация, которая, в свою очередь, делится на частноинформативную («обоснование представлено частным суждением, отражающим «собственное» знание говорящего» [6, с. 221]), и общеинформативную («сохранение обоснования реализуется общим суждением, воплощающим всеобщее знание» [6, с. 221]).

Например, лексема *по-твоему*¹ используется в разговорной речи, и вывод, ею маркированный, всегда актуальный, т. е. он делается в момент речи. Напротив, лексема *итак* характерна для письменной речи и маркирует неактуальный вывод, т. е. такой вывод, который сделан заранее и не обязательно говорящим. Рассмотрим следующие примеры:

(5) – *Автобуса долго не было. Холодно ждать. – На улице – минус два...*

– *Минус два – жара, что ли, по-твоему?! – рывкнул Колесников.* (пример из НКРЯ²)

(5') – **Минус два – жара, что ли, **итак**?! – рывкнул Колесников.*

Вариант (5') невозможен не только из-за позиции *итак* в предложении (ср.(5'')), но и из-за того, что это слово не может маркировать актуальный вывод, т. е. вывод, который Г делает непосредственно в момент речи, реагируя на слова собеседника или на оказавшуюся в фокусе его внимания ситуацию Q.

(5'') – ****Итак**, минус два – жара, что ли?! – рывкнул Колесников.*

3. Особенности синтаксического выражения валентностей

¹ Показатели авторизации традиционно не рассматривают как показатели вывода. В [2] они относятся к показателям интерпретирующих актов. Однако есть контексты, в которых показатели авторизации маркируют именно вывод:

– *Может, поцелуемся? – предложил я. – С какой это стати? – фыркнула Катя. – Ну так... Что ты, развалишься?<...> – Развалиться, конечно, не развалюсь, – согласилась она. – Но целоваться с тобой не буду. У меня другие принципы. – А у меня, по-твоему, принципов нет? Да? (К. Шахназаров)*

В данном случае лексема *по-твоему* показывает, во-первых, что Г делает вывод на основе слов собеседника; во-вторых, что вывод говорящего касается ментального состояния адресата (его знаний и представлений о мире), т. е. Г показывает, что слова С дают основание полагать, что он считает, что Р. В-третьих, Г выражает своё отношение к мнению С.

Группа показателей авторизации, оформляющих вывод, довольно обширна и может включать в себя самые разные сочетания, например: *по-твоему, по-вашему, ты считаешь, ты думаешь, вы хотите сказать, вы считаете, вы предполагаете* и проч.

² Так помечаются примеры, взятые в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>)

Все исследуемые слова имеют две валентности: Q и P. Содержанием одной из них является информация об объективной ситуации (Q), а содержанием другой – вывод, утверждение (P), которое делает Г на основе Q. Это событийные валентности: их заполняют единицы, обозначающие некоторые ситуации.

Валентности Q и P могут заполняться по-разному: 1) предложениями, 2) предикативными единицами в составе сложного предложения, а также 3) предикативной единицей и словоформой или словосочетанием в составе одного предложения.

Например, в (6) валентности выражены предикативными единицами в рамках одного предложения:

(6) *Раз он дошёл, следовательно, знал, куда идти.*

Таким способом могут быть выражены валентности не всех единиц, поэтому в данном случае нельзя заменить *следовательно*, например, на *итак* или *таким образом*:

(6') **Раз он дошёл, **итак** / **таким образом**, знал, куда идти.*

К синтаксическим ограничениям на взаимозамену относится и позиция показателей вывода в высказывании: их препозиция, интерпозиция и постпозиция. Например, *стало быть* и *значит* могут занимать любую позицию, поэтому в ряде контекстов они не могут быть заменены, в частности, единицей *таким образом*, у которой есть ограничения на положение в высказывании:

(7) – *А при старом режиме барин мой жил. – Буржуй? – Сам ты буржуй! Он не буржуй был. Предводитель дворянства. – Пролетарий, **значит**?* (И. Ильф, Е. Петров)

(7') – **Пролетарий, **таким образом**?*

4. Особенности семантики

Среди показателей вывода есть такие единицы, которые специально предназначены для выражения вывода (например, *итак, таким образом*), и такие, основная функция которых состоит в выражении других значений (например, *по-твоему, оказывается*), что позволяет выделить среди показателей

вывода первичные или вторичные. Замена вторичных показателей вывода на первичные невозможна. Так, лексемы *по-твоему* и *по-вашему* предполагают наличие собеседника. Такого компонента нет в значении, например, фраземы *таким образом*, что не позволяет заменить *по-твоему* на *таким образом*, см.:

(8) – Ты зачем полез на стол и испортил торт?? – Это не я! – **По-твоему**, это я сам испортил свой торт???

(8') – ***Таким образом**, это я сам испортил свой торт???

5. Особенности сочетаемости

Способность или неспособность рассматриваемых единиц сочетаться с частицами *а* и *так* также является одним из условий взаимозамены.

5.1. Сочетаемость с *а*

Как показал анализ материала, с частицей *а* могут сочетаться следовательно, стало быть, значит, по-твоему, должно быть и выходит, см.:

(9) Медузин был в выигрыше, **а следовательно**, в самом лучшем расположении духа (А. Герцен).

Напротив, *итак*, *вероятно* и *таким образом* с частицей *а* не сочетаются, см.:

(9) ***А итак**, теперь всё ясно

(10) Военные власти Мьянмы объявили о намерении амнистировать 5 тыс. 588 заключённых. ***А таким образом**, общее количество амнистированных за последние месяцы составит 20 тыс. человек.

Соответственно, взаимозамена единиц с частицей *а* на единицы, с ней не употребляющиеся, невозможна. Более того, не всегда возможно употребление с показателями вывода частицы *а*, ср.:

(1) Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.

– Ах, вот какие твои подарки! – обиженно крикнул Карло.

– Прости, дружище, это не я тебя стукнул.

– **Значит**, я сам себя стукнул по голове? (А. Толстой)

(1') – ***А значит**, я сам себя стукнул по голове?

5.2. Сочетаемость с *так*

С частицей *так* могут сочетаться *стало быть*, *значит* и *выходит*, например:

(11) – Но вся моя наука бессильна сказать, в каком виде явится ему испытание, и какого оно будет характера – я не знаю. – **Так выходит**, ваши знания не могут защитить его от беды, которая ему угрожает? – спросил охваченный беспокойством отец (пример из НКРЯ).

Сочетаться с частицей *так* названные показатели вывода могут только в ответной реплике диалога.

Единицы же *таким образом* и *итак* с частицей *так* не употребляются. Следовательно, замена показателей вывода в сочетании с частицей *так* ограничена.

6. Особенности функционирования

К группе функциональных ограничений мы будем относить стилистические особенности показателей вывода и их связь с определённым режимом речи.

Все исследуемые единицы принадлежат к тому или иному функциональному стилю и характеризуются способностью использоваться в разговорной или письменной речи. Среди анализируемых единиц есть такие, которые не используются в разговорной речи, например *итак*, *таким образом*, *следовательно*; среди анализируемых единиц есть такие, которые используются в разговорной речи (значительно реже – в публицистической), – *значит*, *выходит*, *стало быть*; *по-твоему*; *видимо*; *наверно*; среди анализируемых единиц есть такие, которые могут использоваться как в разговорной, так и в письменной речи (в разных функциональных стилях), – *вероятно*, *должно быть*.

Со стилистическими различиями показателей вывода связаны и различия в том, в каком режиме речи они используются – в диалогическом или нарративном. Например, *итак*, *таким образом* и *следовательно* ориентированы на нарративный режим речи и

не употребляются в диалогах. В отличие от них, *значит*, *выходит*, *стало быть* могут использоваться как при обмене репликами, так и в нарративном режиме речи.

Эти функциональные различия между показателями вывода можно проиллюстрировать следующими примерами:

(12) – *А вы присмотритесь хорошо. Может быть, это не те* [стулья]. – *Ну? – торопил Остап. – Спинка как будто не такая, как у моих.*

– *Значит, не те?* (И. Ильф, Е. Петров)

В данном примере лексема *значит* вводит ответную реплику диалога. Вводимый вывод касается ментального состояния С и требует подтверждения или опровержения. Очевидно, что в таком контексте могут использоваться только такие единицы, которые употребляются, во-первых, в разговорной речи, а во-вторых, в диалогическом режиме речи. В данном контексте *значит* можно заменить на *стало быть* и *выходит*, но нельзя – на *следовательно*, *таким образом* и *итак*:

(12') – *Спинка как будто не такая, как у моих. – *Следовательно / *Таким образом / *Итак, не те?*

Необходимо заметить, что слово *следовательно* занимает особое место среди рассматриваемых показателей вывода, поскольку оно сближается по функциональным свойствам *таким образом* и *итак*, но всё же встречается и в разговорном дискурсе (однако используется для нарочитого подчёркивания принадлежности человека к определённому кругу и статусу), см.:

(13) – *Вы сумасшедший! – ответил Александр Иванович. – Не оскорбляйте меня, –*

кротко заметил Бендер. – Я сын турецко-подданного и, следовательно, потомок янычаров (пример из НКРЯ).

Итак, на взаимозамену показателей вывода влияет целый ряд факторов: семантика показателей вывода, их синтаксические и функциональные особенности, особенности компонентов ситуации вывода – обоснования и вывода. Необходимо отметить, что редко действует только одно ограничение – обычно это целый комплекс ограничений. Так, в (14) лексему *выходит* нельзя заменить на *итак* по целому ряду причин – синтаксическим, функциональным, стилистическим:

(14) *Люцио. Чувствую мазилу, опытного в мазах. Чувствую и поздравляю, и пью за твоё здоровье, но только не после тебя, и не из твоего кубка.*

*Первый дворянин. Я что ж, выходит (*итак), заражённый?* (У. Шекспир)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 862 с.
2. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – 188 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
4. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997. – 422 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Т.1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
6. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 411 с.

ЛИТЕРАТУРА

Публикации аспирантов

УДК 82;316.3

Капралова И.Г.

Московский государственный областной университет

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ П.Ю. ЛЬВОВА («БОЯРИН МАТВЕЕВ»)

I. Kapralova

Moscow State Regional University

THE HISTORICAL NOVEL BY P. LVOV ("BOYAR MATVEEV")

Аннотация. В статье рассматривается творчество малоизученного русского писателя конца XVIII – начала XIX в. Павла Юрьевича Львова (1770 – 1825). На примере повести «Боярин Матвеев» сделаны выводы о своеобразии понимания исторической памяти, воспитательной и образовательной роли литературы, о специфике историзма в русской повести рубежа XVIII – XIX вв. В статье проанализированы связи повести Львова с традициями прозы Н.М. Карамзина (повесть «Наталя, боярская дочь»), установлены факты сближения и расхождения авторов.

Ключевые слова: историческая повесть, историзм, П.Ю. Львов, литература и история, сентиментализм, предромантизм.

Abstract. The article considers the creativity of poorly known Russian writer of the end of the 18th – beginning of the 19th century. Pavel Lvov (1770 - 1825). On the example of the novel «Boyar Matveev» the conclusions are made about the peculiarity of understanding of historical memory, cognitive and educational role of literature on the specifics of historicism in Russian stories of the turn of the 18th - 19th centuries. The paper analyzes the connection between the Lvov's story and N. Karamzin's traditions of prose (story «Natalia, Boyar's daughter»), the facts of convergence and divergence of the authors.

Key words: historical novel, historicism, P. Lvov, literature and history, sentimentalism, romanticism.

Творчество Павла Юрьевича Львова (1770 – 1825) редко привлекало внимание литературоведов [4, с. 187-189], [6, с. 50-56]. В основном к нему проявляли интерес исследователи Н.М. Карамзина и развития русского сентиментализма на рубеже XVIII – XIX вв. [3, с. 8-12].

Однако отношение основоположников сентиментальной поэтики в России, Н.М. Карамзина и И.Д. Дмитриева, к литературным опытам Львова было сложным и в целом отрицательным (так, Карамзин, называя Львова «львёнком», в письме к Дмитриеву утверждал, что

главным несчастьем его было «написать «Памелу», «Храм бессмертия» и проч.» [5, с. 28]). Поэтому Львов довольно скоро выпал из круга писателей-карамзинистов, сблизившись с представителями «Беседы любителей русского слова». Творческая эволюция писателя в направлении от «новаторства» к «архаизму» в значительной мере объясняет и специфику жанра исторической повести в его творчестве.

Как автор исторических повестей, Львов стремился, с одной стороны, подобно карамзинским повестям «Наталья, боярская дочь» и «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», воспроизводить чувства, переживания, эмоциональную жизнь людей прошлого, но, с другой стороны, автор стремится насытить свои исторические повести поучительным, дидактическим содержанием, подчеркнуть значение патриотических мотивов в поведении своих героев. Так сентименталистская чувствительность заменялась более рациональным началом; таким образом, Львов как автор исторических повестей возвращается к основополагающим принципам литературы классицизма.

Ярким примером такой эволюции творческого метода писателя может служить повесть «Боярин Матвеев» (1815) [1], позднее включённая П.Ю. Львовым в цикл под названием «Достопамятные повествования о великих государях и знаменитых боярах XVII века» (1821). Автор обращается здесь к той же исторической эпохе, что освещалась в повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Однако его интересует не глубокая эмоциональная жизнь русских людей той поры, а именно патриотический «урок», который способна дать потомкам судьба боярина Артамона Матвеева.

Любопытно, что, определяя цель своего повествования, автор в данном случае обращается к разнородной аудитории: наряду с русскими людьми, которые должны познавать историю своего отечества, писатель адресуется и к иностранцам, суждения которых о России часто бывают однобокими и неосновательными. Львов с негодованием

и прискорбием пишет об оскорбительных суждениях иностранцев, будто бы Россия до XVIII века была во мраке невежества и россияне были грубыми варварами. В связи с этим писатель видит свою цель в том, чтобы раскрыть истину, обратившись к истории древности, вспомнив о просвещении, мудрых законах, о победах в сражениях, славных государях, богатстве разума и силе духа, доблести русского народа. Львов убеждает читателей в том, что и до XVIII века в России были великие люди, которые своими добродетелями даже превосходили чужеземцев, и приводит в пример одного из них – русского боярина Артамона Сергеевича Матвеева. На примере его жизни, прославленной знаменитыми делами, оставшимися в памяти потомства, Львов хочет опровергнуть ошибочные мнения иностранцев о русских.

Подобная цель повествования, очевидно, обрела особое значение в пору сразу после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. Львов-повествователь в своих художественных поисках оказывается близок тем патриотическим настроениям, которые владели тогда русским обществом, и таким образом историческая тема в его сознании оказывается напрямую связана с современными чаяниями и надеждами, что в целом соответствовало традиции исторических «применений» в поэтике классицизма.

Автор обращается к XVII веку, к периоду царствования Алексея Михайловича, когда жил боярин Матвеев. Много полезных дел исполнил он для общества, много совершил подвигов. По мысли Львова, боярин Матвеев соединил в себе достоинства Сюлли, Кольбера, кардинала Ришелье, – столь значительные исторические примеры становятся в повести не только средством характеристики героя, но и подчёркивают своеобразную «вневременность» его деяний, которые потому и способны стать для потомков уроком гражданственности.

Важнейшей составной частью этого «урока» становится патриотизм героя. Матвеев

посвятил себя служению отечеству, не тратя времени на странствования по чужим землям, – с точки зрения Львова, это было одной из причин его величия. Подобная мысль в повести явно оказывалась связана с традициями критики галломании, унаследованной русской литературой начала XIX века от русской сатиры века XVIII-го. Не случайно в повести поднимается вопрос образования и воспитания. Перечислив многие заслуги Матвеева перед Отечеством, автор задаёт вопрос, что сделало его таким, и сам отвечает: русское воспитание, далёкое от всех иностранных нововведений последующих веков: «Боярин Матвеев доказал своим примером, что русское родительское воспитание может достаточно наделять отечество великими людьми» [1, с. 26].

Развитие сюжета повести подчинено хронологическому порядку жизнеописания боярина. Из повести мы узнаем, что он был сыном вельможи, в юности поступил на службу и прошёл все чины, участвовал в походах, был на приступах многих городов с полководцами и воеводами, победил Гетмана Потоцкого, прогнал Хана Крымского. Во время, когда русские воины терпели урон от неприятеля, Матвеев военным искусством спасал полки от гибели. Во всех своих делах он проявлял быстроту ума и бодрость духа, «блистал повсюду своими достойными удивления дарованиями» [1, с. 10]. Он дослужился до полковников и стольников, но в ратном сражении был изувечен: «кости его были сокрушены, и кровь его, как вода, пролита была за Царя и отечество» [1, с. 10]. На гражданской службе Матвеев также был благодетелем отечества. Своей мудростью и старанием он привёл в подданство царю Алексею Михайловичу Богдана Хмельницкого со всем его воинством, «обнимал своим неусыпным созерцанием все вверенные его попечению области» [1, с. 11]. Он пресекал все возмущения в Коломенском, в Путивле, в Переяславле, предупреждал многие напасти, везде водворял добро и порядок, благоразумием сумел сберечь много денег царю, ис-

требил самозванца. Боярин Матвеев спасал отечество от злоумышлений врагов и бед. Именно он подверг сомнению мирный договор с Польшей и тем самым спас Россию от беды, своими суждениями обличил шведского посла в неправде.

Львов отмечает, что именно боярин Матвеев был восстановителем величия царского титула, чествовал царя в грамотах и письмах титулом величества, требовал от всех послов Европы, чтоб они с благоговением входили в царский чертог. Он заботился о благе отечества, составил три книги: описание вида, титула и печати самодержцев России и государей других стран; об избрании на царство Михаила Фёдоровича; описание побед, одержанных в разные времена российскими князьями и царями. Монетный двор, порученный царём, он вывел из упадка и обогатил царство серебряной монетой. Учредил заведения, выгодные царской казне, доходы от которых использовал для украшения столицы, для мастерской палаты и царского двора, на содержание приказов.

Львов пишет: «Боярин Матвеев обращает на себя удивление потомства со всеобщим почтением; ибо к чести и славе времени своего и звания доказал он приснопамятными отечеству заслугами, что может сделать в своей земле муж ума глубокого и прозорливого, души твёрдой и великой» [1, с. 18], «дела его, подражания достойные, изображают его благородное свойство» [1, с. 18-19].

«Боярин Матвеев был всегда блюститель истины и верный исполнитель законов; строгий хранитель чистейшего благонравия и взыскательный судья самого себя. Как в словах, так и в делах своих, всегда справедлив, скромн, точен, одинаков. Он сохранил свойственную воину умеренность, искренность и простоту в поступках. Он не терпел роскоши, ласкательства, надменности и праздности. Самым постоянным трудолюбием занято было время его. Каждый день, каждый час жизни его были драгоценны отечеству» [1, с. 19]. На всех его делах «изображалась печать мудрости». Он был «судьёй правосудным и

судьей милосердным» [1, с. 20] и заслужил любовь народа своей доступностью, приветливостью, кротостью. Матвеев прославился своей щедростью, хлебосольством и любовью к народу. Он помогал бедным и убогим, угощал старцев, отличившихся почетом в народе. «Отечество имело в нём – сына усердного, царь – друга верного, церковь – сущего христианина» [1, с. 25].

В конце своего повествования Львов задумывается о почитении русским народом своего вельможи. Такие люди, как Матвеев, при жизни должны получать награды, достойные их заслуг, считает автор. И Матвееву удалось дожидаться подобного признания: в знак любви и благодарности к боярину народ принёс ему драгоценные надгробные камни с гробов отцов и дедов своих для строительства дома, не взяв денег и подарков взамен. Так был воздвигнут «чертог доблести», какого не было никогда и ни у кого.

«О великий муж! честь сынов России! твоё жилище есть лучший памятник заслуг твоих и превосходит все памятники, сколько их ни было на земном шаре» [1, с. 35]. Подвиг русского народа, по мнению Львова, и есть лучшее свидетельство его великодушия.

Таким образом, определяющей особенностью творческой эволюции П.Ю. Львова как автора исторических повествований может считаться движение к дидактизму,

развитие патриотических мотивов, стремление сочетать интерес к личности с типично классицистической темой прославления государства и государственности. Историзм Львова условный – в духе классицизма писатель ищет в прошедших веках не «духа эпохи», а то, что сближает их с современностью, в которой живут предполагаемые читатели. Художественная неоднозначность исторического повествования Львова позволяет лучше понять как специфику творческого метода самого писателя, так и богатство и разнообразие литературной ситуации рубежа XVIII – XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Львов П.Ю. Боярин Матвеев. Сочинение Павла Львова, члена императорской российской академии и Беседы любителей русского слова. – СПб, Типография Правительствующего Сената, 1815. – 36 с.
2. Зорин А., Немзер А. Парадоксы чувствительности // Столетия не сотрут. – М., 1989. – С. 7–54.
3. Кочеткова Н.Д. «Бедная Лиза» Карамзина и «Даша, деревенская девушка» П.Ю. Львова // От Карамзина до Чехова. – Томск, 1992. – С. 8–12.
4. Орлов П.А. Русский сентиментализм. – М., 1977. – 268 с.
5. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб, 1866. – 718 с.
6. Царева В.П. Роман П.Ю. Львова «Российская Памела...» // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. [Вып. 3]. – Л., 1978. – С. 50–56.

УДК 821.161.1-1

Калинин С.С.

Московский государственный областной университет

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЮРИЯ КУБЛАНОВСКОГО

S. Kalinin

Moscow State Regional University

THE UNIQUENESS OF POETIC THINKING OF YURI KUBLANOVSKY

Аннотация. Предмет литературоведческого анализа в данной статье – главные индивидуальные черты, определяющие стилистические особенности поэзии Юрия Кублановского. Метафора – не только один из приёмов в литературном творчестве Юрия Кублановского, но и метод его поэтического мышления. Такое «отношение» поэта к метафоре позволяет автору данной статьи предпринять попытку проследить «от Пушкина» «родословную» поэта, которому удалось свести воедино «гармоническую школу» русской поэзии и опыт акмеистов.

Ключевые слова: литература, поэзия, поэтическое мышление, метафора, словообразование.

Abstract. The literary research presented in this article is focused on the individualistic traits which determine the stylistic peculiarity of Yuri Kublanovsky's poetry. The metaphor serves not only as an instrument in the literary work of Yuri Kublanovsky but also as a method of his poetic thinking. Such an "attitude" of the poet to the metaphor allows the author of this article to try to track "from Pushkin" the "genealogy" of a poet who has succeeded in putting together the "harmonious school" of Russian poetry and practical experience of the acmeists.

Key words: literature, poetry, poetic thinking, metaphor, derivation.

Предмет литературоведческого анализа в данной статье – главные индивидуальные черты, определяющие стилистические особенности поэзии Юрия Кублановского.

Изучение литературных произведений, составляющих рекомендованный школьной программой список [1], направлено на формирование у школьников гуманистического мировоззрения, национального самосознания, гражданской позиции, чувства патриотизма, любви и уважения к ценностям отечественной культуры, среди которых литература занимала с давних времён центральное место. Однако программный перечень явно устарел, т. к. завершается именами и названиями прозаиков и поэтов 1960-1970-х годов. Между тем прошедшие с тех пор столетия заметно обогатили отечественную литературу, в значительной мере изменили лингвокультурологическую ориентацию современного человека, и, вполне очевидно, пришло время дополнить школьную программу произведениями современных авторов.

Бесспорное место в списке таких авторов принадлежит Юрию Кублановскому, поэзия которого, по выражению А.И. Солженицына, «отличается верностью традициям русского стихосложения». «В наше время, когда вся литература в целом понесла потери в русскости языка, сужается в лексике, – Кублановский сохраняет его живую полноту», – таково авторитетное мнение знаменитого писателя, мыслителя и общественного деятеля о национальной значимости поэта как хранителя живой духовной традиции [2].

Процитируем здесь еще один отзыв о сборнике стихов Кублановского («Перекличка»). Отзыв составлен менее известным, но также поэтом, знатоком стихосложения и опытным версификатором, публицистом и переводчиком Ст. Золотцевым: «Читаешь и радуешься:

© Калинин С.С., 2013.

просто роскошь стихового арсенала! Огромное разнообразие ритмических ходов и вариаций размеров, сочетание «регулярной» ритмики с тактовиками, дольниками, паузниками и фразовым стихом; многие страницы книги свидетельствуют о том, что система Третьяковского, за два с лишним века тысячекратно обогащённая и усовершенствованная мастерами и соловьями поэтики, отнюдь не исчерпала своих возможностей» [3].

Поэтический язык как особый стиль речи непрерывно совершенствуется. Для объективного изучения особенностей художественной литературы необходимы комплексные исследования, направленные на выявление используемых в них принципов образного воплощения мира, с учётом своеобразия личности автора, а также обстоятельств его жизни и творчества.

Поэт Юрий Кублановский с детства слышал и осваивал народную речь русской глубинки, т. к. родился и провёл детство в Рыбинске, на Верхней Волге, в семье провинциальных интеллигентов. Искусствоведческое отделение истфака МГУ способствовало формированию широкого кругозора, помогало сориентироваться в огромном потоке ценностей мировой культуры. Первый сборник его стихов был составлен И. Бродским и вышел в США в 1981 году. С 1982 по 1990 длилась вынужденная эмиграция поэта. После возвращения на родину он заведовал отделом поэзии в журнале «Новый мир». За двадцать лет вышли в свет девятнадцать поэтических книг, наиболее полной из которых на сегодняшний день остаётся «Дольше календаря» [4].

Термин «поэтическое мышление» связан с философией модернизма и предполагает отказ от жёсткого рационализма, условие для внерационального схватывания того, что невозможно уловить с помощью рационального усилия. Поэтическое мышление – один из принципов познания и творчества, который, к примеру, у Ницше продуцируется в идею «трагического познания», а у Хайдеггера обретает статус единственной процедуры, в

рамках которой возможно внерациональное схватывание сущности, никогда не открывающейся в процедурах логико-рационального, научно ориентированного препарирования [5]. Употребляя этот термин в отношении литературного творчества Юрия Кублановского, мы делаем попытку определить его место в процессе развития современной литературы, а кроме того, не исключаем здесь и простого, общеупотребительного значения этого словосочетания. Ведь поэтическое мышление неразрывно связано с метафоричностью, создающей в поэзии Кублановского особый, многомерный мир.

По мнению ряда исследователей, метафорические переносы в языке подчинены достаточно жёсткой закономерности и осуществляются в определённых направлениях от одной семантической сферы к другой. Общепринятые метафорические номинации выражают условно-схематические типовые значения, однако особую оригинальность, неповторимое своеобразие художественным текстам придают авторские метафорические переносы, основанные на неожиданном и ярком образном сравнении. В поэзии Кублановского традиционные метафоры встречаются редко. Особенность его поэтики – в обилии качественных метафор. Знаковыми являются те метафорические конструкции, которые отражают авторское представление о действительности.

Уже в самом начале творческого пути, когда происходит формирование поэтического мышления автора, мы встречаем в стихах Юрия Кублановского именно такие переносы: «Славянизмы, восковые соты / строф и звуков позабуди, ништяк. / Есть иные образы и ноты, / стих – как дом Романовых – убит» («Славянизмы, восковые соты...», 1969 год) [4, с. 25]. (Здесь же, при первой цитате, вспомним и высказывание поэта в статье «Спасение через слово» («Новый мир», 1996, № 6): «<...>редок в России писатель, чья деятельность ограничивается только искусством». Отметим, что с самого начала метафора в поэтическом

языке Кублановского – один из инструментов того, что он позднее назвал «общественным служением».

Метафоры, имеющие значение информативного восполнения, со временем становятся одним из тех творческих методов автора, который позволит ему наработать, по выражению И. Бродского, «самый насыщенный словарь после Пастернака» [7]. Как известно, метафора основана на таком свойстве слова, которое позволяет ему в своём значении опираться не только на существенные и общие качества предметов и явлений, но также и на всё богатство второстепенных его определений и индивидуальных качеств и свойств. Большая часть метафор у Кублановского основана лишь на незначительном семантическом сдвиге, – они настолько точно подобраны, что даже внимательный читатель не сразу обратит внимание на несомненную новизну словосочетания. Таковы, например, метафоры, имеющие значение информативного восполнения: «*прибрежные доли в сангине заката...*» [4, с.188], «*медвежьих углов патерик*» [4, с. 189], «*колокольня с трёхгранной позлащённой иголкой*» [4, с. 189], «*ветер, в октябре сжигающий листья*» [4, с. 218], «*тропы меж стволов прямых мироточивых*» [4, с. 412] «*башен клеши по холмам*» [4, с. 413], «*залежь хвои беспробудной*» [4, с. 546], и другие примеры.

Отличительная черта поэтического языка Кублановского – во множестве метафор, обладающих исключительно эстетическим значением. Причём в выборе таких метафор поэт необычайно точен. К примеру, в стихотворении 1972 года «Памяти Л.С. Соколовой» сразу несколько таких переносов. Вот лишь некоторые из них: «*Этого домика нет. Только сад поредевший напротив, / да розоватый булыжник в проплешинах виден асфальта...*»; «*а за окном в темноте уподобились раю / заиндевелые ветви и звёзд ледяная расада*» [4, с. 130-131]. Большое количество метафорических переносов в стихотворениях Кублановского связано с уточнением формы или очертаний предмета, один из примеров –

из того же стихотворения: «*на огороде смородина, запах садовой малины / с белым кинжалчиком в сердце, и кислые сливы*».

Особенность метафоры Кублановского – её глубина и многомерность. Автор не подчёркивает её, а напротив – предпочитает тонкую ассоциативность, даже нарочитую прикровенность смысла. В результате возникает объёмность образа, которая ведёт читателя к философскому обобщению: «*Наши оконце терний / гнёздами заросло. / Павы слетелись в иней. / Феникс когтит стекло. / Ночи, они, что птицы / алчные, – любят плоть. / Милая, у божницы / пальцы сведи в щепоть. / Перья черны и сизы... Как задубел – спаси! / – край у небесной ризы / со стороны Руси*» («На казнь майора Глебова», 1978) [4, с. 187].

Одна из особенностей поэтического языка Кублановского – разностопный стих, «который под его пером обретает характер эха, доносящего до нашего слуха через полтора столетия самую высокую, самую чистую ноту, когда бы то ни было взятую в русской поэзии» [7]. Один из примеров – стихотворение 1986 года, посвящённое Иосифу Бродскому: «*...Белое – это полоски под кольцами, / это когда пацаны добровольцами, / это когда никого / нет пред открытыми Богу божницами, / ибо все белые с белыми лицами / за спину стали Его*» [4, с. 424]

* * *

При всей глубине и многомерности, метафоры Кублановского вписаны в классический стих – «канон», как называет автор форму, в границах которой он варьирует технику и стиль, непрерывно добиваясь максимальной непринужденности интонации. Причём в слово «канон», надо полагать, автор вкладывает не только понятие формы, но и тот факт, что русская высокая поэзия всегда была поэзией философского содержания. И Кублановский здесь является верным продолжателем её традиций.

В приверженности «канону» – своего рода доказательство «кровного родства» Кублановского с Пушкиным и его «предтечами»,

разрабатывавшими «поле» русского литературного языка, – Батюшковым, Тредиаковским. Последователем Константина Батюшкова и его сентиментализма назвал Юрия Кублановского и Бродский в предисловии к первому, вышедшему в свет в 1981 году, «Избранному» поэта [7]. Бродский высоко оценивал поэзию Кублановского как удачную попытку свести воедино «гармоническую школу» русской поэзии и опыт акмеистов.

Действительно, родство Кублановского с гармоническим «канонам» в XX веке несомненно. Модернист конца XX-начала XXI века, Кублановский вырос, в большей степени, на почве русского модернизма. У него акмеистическое понимание «стихий русского языка», и именно в том ключе, о котором так метко написал О.Э. Мандельштам в статье «О природе слова»: «Русская культура и история со всех сторон омыта и опоясана грозной и безбрежной стихией русского языка, не вмещающегося ни в какие государственные и церковные формы» [8]. Бродский заметил, что для поэтического мышления Кублановского характерно преобладание личного начала над какой бы то ни было тенденцией. Вот почему он способен «говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина». В этом же Бродский видел и причину того, что стихи Кублановского, по его мнению, не поддаются ни тематической, ни жанровой классификации.

Разговор о поэтическом своеобразии стихов Кублановского, о метафоричности как одной из главных специфических черт его поэзии уместно завершить его собственным высказыванием, содержащимся в недавно опубликованных дневниках поэта. «Простодушные немногочисленные мои читатели или поэты-эkleктики, да и просто поэты-традиционалисты, думают, что я пишу с ними на *одном* языке. Нет – при всей просто-

те и ясности – пишу на *другом*. В чём же отличие? Я вырабатывал (и вырабатываю) этот новый язык годами. Тут всё за (под) оболочкой обычного повествования: малозаметный семантический сдвиг; фонетическая спайка – “игра”; скрытое “абсурдное” утверждение; “расфокусированный” парадокс; при внутренней твердости настроения и моральном стержне – неназойливость убеждений. Ну и, конечно, предельная точность эпитетов (часто бывает до десятка вариантов одного эпитета); точность и новизна, не бросающая (что, по моему, особенно ценно), но безусловная» [8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кублановский Ю. Избранное Сост. Иосиф Бродский. – Анн Арбор: Ардис. 1981 [Электронный ресурс] // Чёртвы кулички: [сайт]. [2004]. URL: http://kulichki.net/moshkow/BRODSKI/brodsky_prose.txt_Piece40.10 (дата обращения 20.07.2012)
2. Кублановский Ю. Год за год. «Новый Мир». – 2010, № 9. – С. 126-159.
3. Кублановский Ю. Дольше календаря. – М.: «Время», 2005. – 736 с.
4. Кублановский Ю. Переключки. – М.: «Время», 2012. – 112 с.
5. Кублановский Ю. Посвящается Волге. – Рыбинск: «МедиаРост», 2010. – 148 с.
6. Кублановский Ю. Спасение через слово. [Электронный ресурс] // Журнальный зал: [сайт]. [2001]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/knobos04.html (дата обращения 20.07.2012).
7. Курдюмова Т.Ф., Колокольцев Е.Н., Леонов С.А. и др. Примерная программа по литературе для общеобразовательных учреждений (базовый уровень). – М.: Дрофа, 2008. – 95 с.
8. Мандельштам О. О природе слова. [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека: [сайт]. [1999]. URL: http://www.rvb.ru/mandelstam/slovo_i_kultura/01text/02annex/42.htm (дата обращения 19.07.2012)
9. Энциклопедия «История философии» [Электронный ресурс] // «Академик»: [сайт]. [2000-2010]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/400 (дата обращения 22.07.2012)

УДК 82-342

Тульская О.С.

Московский государственный областной университет

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК
И.А. ИЛЬИНА**

O. Tulskaia

Moscow State Regional University

LITERARY AND ARTISTIC PECULIARITY OF FAIRY TALES OF I. ILYIN

Аннотация. Автор анализирует сатирический цикл «Невинные сказки» философа и прозаика И.А. Ильина. Философ предстает в статье как глубокий исследователь русского фольклора и культуры России и талантливый писатель, произведения которого свойственны лаконичность, интерес к глубинам национального характера, тонкий юмор и горячая любовь к России. В сказках Ильина чётко прослеживаются традиции легенд, бытовых сказок, святочных рассказов, анекдотов, преломленные в соответствии с особенностями памфлетного стиля. Обращённые в первую очередь к современникам, эти произведения философа и сегодня впечатляют читателей своей свежестью и актуальностью.

Ключевые слова: сатирические сказки, русский фольклор, лаконичность, символическая концентрированность, национальный характер, поэтичность, комизм.

Abstract. The author analyzes a satirical series «Innocent tales» by philosopher and novelist I. Ilyin. The philosopher appears in article as the deep researcher of Russian folklore and culture of Russia and the talented writer, whose works are characterized by brevity, interest to depths of national character, subtle humour and passionate love to Russia. Traditions of legends, fairy tales, Christmas stories, jokes are accurately traced in Ilyin's tales, refracted according to features of pamphlet style. These works of the philosopher are addressed primarily to his contemporaries, but impress readers with their freshness and relevance today.

Key words: satirical fairy tales, Russian folklore, brevity, symbolic concentration, national character, poetry, comedy.

Современные исследователи литературного процесса XX века среди культурных деятелей Русского Зарубежья выделяют И.А. Ильина не только как философа, теоретика искусства и литературоведа, но и как прозаика, наделённого ярким талантом, обладающего своим оригинальным художественным миром. Хотя прежде всего это имя ассоциируется сегодня с понятиями «философия», «политика», «православие», «защита монархии», тем не менее всё чаще можно встретить в книжных магазинах (даже в виде аудиокниг) отдельные издания художественных произведений Ильина. В первую очередь представлены законченные им в последние годы жизни три книги духовно-философской прозы, из которых наиболее популярна «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1954 г.)

Но вхождение Ивана Ильина в художественную литературу началось, конечно, намного раньше, чем были созданы эти увенчавшие его творчество произведения. Многочисленные политические статьи философа-эмигранта являются замечательным примером публицистики, а литературоведческие сочинения содержат вполне выразительные художественные пассажи. Многолетняя переписка Ильина и И.С. Шмелёва является ярким образцом художественно-эпистолярной прозы; известны некоторые стихотворные опыты Ивана Александровича.

В качестве приложения к «Переписке двух Иванов» опубликованы «Невинные сказки» – цикл из десяти небольших по объёму сатирических зарисовок, объединённых самой важной для всей жизни Ильина темой причин, хода и последствий революции в России. К сказкам и по времени (середина 1930-х годов), и по содержанию примыкает полушутливое «Древнее сказание "Праведный народ"», отличающееся от них, однако, своим трагико-эпическим стилем.

«Невинные сказки» стали для философа как бы пробой пера в начале литературной деятельности. В 1935 году Ильин получил искреннюю и важную для него авторитетную оценку своего писательского таланта от художника-прозаика, к которому философ относился с необычайным интересом и любовью, – от И.С. Шмелёва: «Вы... наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня... Вы меня называете поэтом, но Вы-то воистину Поэт-мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по Вселенной, не только по родной земле...» [3, с. 74].

Сказочные мотивы не случайно появляются в творчестве философа. Мир русских сказок с ранних лет был близок Ивану Александровичу, получившему традиционное образование и воспитание ребёнка из московской дворянской семьи конца XIX века. Через много лет, уже будучи изгнанным из России, напечатав множество статей и книг, в совершенстве владея русской речью и несколькими иностранными языками, Ильин многократно возвращался к сказкам в ходе подготовки к бесчисленным лекциям 1920-1930-х годов. Они были прочитаны с целью как можно полнее раскрыть перед жителями Германии, Франции и других стран Европы культурный мир России, показать, «как русская душа выражает себя в художественном творчестве».

Естественно, для выполнения этой задачи оратору понадобилось глубокое изучение

русского фольклора и классической художественной литературы. Чтобы лучше донести до иностранных слушателей и читателей «аромат» родной речи, Ильин взял на себя смелость сделать перевод некоторых русских сказок и стихотворений на немецкий язык. Для этого потребовалось буквально «пропустить через свою душу» каждое слово оригинала. Соприкасаясь все глубже со стихией нашей литературы и испытывая сердечную боль за судьбу России, И.А. Ильин пришёл к естественному для него вступлению на писательскую стезю.

Прежде чем начать подробно говорить об авторских сказках И.А. Ильина, об их художественном мире, остановимся на его статьях «Духовный смысл сказки» и «Русская душа в своих сказках и легендах». Это важно особенно потому, что многие качества русских сказок и легенд, о которых Ильин рассказывает аудитории, отразились в его творческом опыте «сказочника».

Народные сказки привлекают его своей поэтичностью и глубиной. Философ сам становится немного поэтом, когда говорит о них: сказка – «как полевой цветок, который сам обсеется, сам укоренится, сам листочки выгонит и чашечку развернёт, Божьим солнышком угрет, Божьим дождиком полит, Божьей птичкой опет, Божьей пчёлке мёд свой отдаст» [1, с. 260].

Ильин много пишет о лаконичности, символической концентрированности сказок, об их сосредоточенности на основных вопросах бытия человека (о добре и зле, о счастье, о судьбе и т. д.), их великой скромности и неприхотливости, о «храбрости сказки быть глупой» [1, с. 261]. Но самое главное – обнаруживает в сказке многие глубины национального характера. «Душа народа высказывает в сказке свои заветные думы, чаяния, упования, мечты; здесь и невыплаканные слёзы, и неисполненные желания, и прозорливость, и интуиция совести – всё собрано, всё образно отражено...» [2, с. 38].

Ильин считает, что сказка – явление дохристианское. Он пишет, что в то же время

в ней «тянется доброе сердце народа из суеверно-языческих рамок времени к христианству» [2, с. 43]. Там же, где возникает вера и надежда на Спасителя, уже перед нами не сказка, а легенда или предание, пишет он. Это мнение может быть отнесено и к авторским сказкам самого Ильина.

О том, какое важное место в истории народа занимают произведения фольклора, писал Ю.И. Сохряков в своей монографии: «По мнению Ильина, сказка – это первая, дорегиональная философия народа <...>, изложенная в свободных мифических образах и художественной форме <...> Призвание сказки Ильин видит в том, что она способна укреплять человека, утешать его и умудрять...» [6, с. 85, 77].

Делая переводы на европейские языки произведений русского народного творчества, Иван Александрович иногда снабжал их своими оригинальными комментариями. Так, к истории о царевне Несмеяне, которую, даже не желая того, рассмешил простак-работник, он добавил: «Отчего ж не смеялась царевна? Какая печаль сердцем её овладела? Не смеялась она оттого, что была охвачена мировой скорбью; она зрела и чуяла злую стихию мира, видела дисгармонию человека с природой, догадывалась о трагической судьбе добра на земле – и ничто не могло её утешить и обрадовать. И вдруг приходит праведник и одним своим присутствием... доказывает, что зло не всемогуще, что добрые дела следуют за праведником по пятам, что он находится в таинственной связи с природой, что судьба добра на земле, хотя и трудна и даже трагична порой, всегда трогательна, всегда поучительна. Царевна узрела, ухватила эту божественную гармонию мира, и радость восторжествовала: царевна рассмеялась. Сказочка скрывает этот драгоценный глубинный смысл под налётом лёгкого, светлого комизма, не решаясь высказать заложенную в ней мудрость напрямик» [2, с. 50-51].

Имея такое трепетное отношение к народной сказке, роднящее его со многими русскими писателями, в первую очередь с горячо

любимым и высоко ценимым им А.С. Пушкиным (которого он называет «солнечный центр нашей истории»), Ильин со временем приходит к мысли облечь свою боль о родине в форму устоявшегося фольклорного жанра.

Десять небольших публицистических произведений, названных «Невинные сказки», были в большинстве опубликованы уже после смерти автора. Эти сказки имеют резкий, часто даже памфлетный, явно сатирический характер. Часть из них («Парнишка и чёрт», «Гений», «Как Обалдуй Россию спасал», «Неуместная шишка») направлены против конкретных личностей и по стилю во многом напоминают «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако при внешнем сходстве острие сатиры здесь направлено прямо в противоположную сторону. Если гротеск Щедрина, всецело проникнутый «революционно-демократическим мировоззрением автора», служил безраздельно будущему разрушению самодержавия, то Ильин показывает всю подлинную омерзительность разрушителей разных уровней и разного происхождения. Становится очевидным, что и неприкаянный парнишка из простых, и играющие в революцию интеллигент и дворянин, и иностранный «радетель» сокрушают не только власть, но и само живое тело и душу России.

По форме большинство сказок Ильина напоминают пространные исторические анекдоты, не случайно персонажи носят здесь «говорящие» фамилии: Гадюкин, Гугнидов, Шушуришер, Блудомович, Белибердяев, Бурчеев. Исследователи творчества Салтыкова-Щедрина отмечают и в его произведениях важную роль подобного приёма. Например, И.Б. Павлова выделяет среди героев писателя целую группу схожих персонажей: «...буржуазные хищники, наделённые писателем «говорящими» фамилиями, Дерунов, Разуваев, Колупаев и др., которых отличает страсть к стяжательству, алчность, неразборчивость в средствах, аморализм, глубокое невежество, отсутствие гражданских чувств» [5, с. 141].

Сатирические портреты, явные и скрытые политические ассоциации, переданные

живым разговорным языком, напоминают также русские бытовые сказки, часто очень едкие и нелюбезные. Отсюда и множество шуточных неологизмов в духе Лескова: «мордосозерцание», «обалдадетельствую», «куманисты», «клеветонщик».

Основная направленность ильинского сарказма на протяжении всего цикла – попытки различных деятелей исказить истину. Андерсеновское зеркало из «Снежной королевы» вспоминается при чтении строк сказки «Гений»: «Замечательный был журнал. О чём бы в нем ни писалось, всё выходило наоборот. Добро смахивало на зло, а зло на добро. Где все хорошие люди стесняются или прямо стыдятся, там выходит, что и стыдиться нечего... Иуда Предатель выходил в русские национальные святыне, Сергей Радонежский – в толстовцы, Распутин – в мудрецы и праведники. Государство строить – грех, народ свой защищать – позор, армию обучать – дело сатаны. Белое выходило чёрным ... красное – прекрасным, прекрасное – опасным» [4, с. 449]. Самое огорчительное для Ильина в политической жизни на период создания сказок – то, что многие люди в среде эмигрантов перестали «отличать соввласть от русского национального правительства» [4, с. 459]. Он буквально обрушивает всю силу своего остроумия на тех, кто насаждает эту точку зрения, в то время как сам Ильин четко ощущает опасность такого «размывания границ» и пытается предостеречь от него читателей: «Когда Белибердыев объявил, что коммунизм есть дело любви и свободы и что революция творит дело Божие, – из Москвы ему прислали звание заслуженного соревнователя и приглашение вернуться в Совдепию... Ну, в Москву он тоже, конечно, не поехал: дело любви и свободы издали виднее, детали не заслоняют» [4, с. 448].

Очень актуально сегодня звучит сказка «Как Обалдуй Россию спасал». Главный герой её не видит иного способа помочь России, как всю её «в опеку отдать и по соседям расписать. Кому клин, кому стан, кому полный сарафан» [4, с. 451]. При этом Обалдую

никакого дела нет, собственно, до её судьбы: «Одни говорят, что Россия распадётся. Ну да, распадётся! Чего же тут страшного? Пускай себе распадается... Другие боятся, что Россия вовсе погибнет... Ну да, погибнет! Тут тоже бояться нечего...» [4, с. 452]. «Решили мы жить по-новому и разорваться по всем швам. Берите. Всё берите. Крым – ваш. И Кавказ – тоже ваш. ... Начинается новая эра – Обалдуй Великого...» [4, с. 452].

Когда Ильин писал сказку «В дураки», о том, как «восточный человек Ибрагим Кавказыч» заманивает русских простаков под вывеску «здесь обигрывают дураки карту», он, возможно, размышлял о причинах захвата власти в России людьми иных национальностей и глубоко чуждой ей идеологии. Но в наше время этот сон, увиденный рассказчиком, задремавшим «на лавочке в Женеве как раз напротив Лиги Наций», воспринимается несколько иначе. До боли современно звучат откровения «восточного человека неизвестной нации»: «Ты антирес свой панымаешь? Не панымаешь! Я тэбэ абисню. Ты без мэнэ кто таков? Ишак иврапэйский. Подходы, клады заклад» [4, с. 445].

В этой сказке-анекдоте Ильин показывает себя мастером лаконичного сатирического портрета. Вот желающие «проигратъся»: «крепко пьяный Сёмка в немецкой кепке», «купец в американском цилиндре», «рабочий в итальянской чёрной рубашке», «толстая купчиха в аглицком пальто» [4, с. 445-446]. Прямо-таки весь мир собрался у будки шарлатана, люди убеждают друг друга, вдруг начав тоже безудержно врать, что здесь можно «капиталы поправить». Вот карикатурный портрет самого «восточного человека», наглого и самоуверенного, совершенно непроницаемого для всяких попыток его разоблачить: «Лоб в полвершка. Волосы щёткой, глазки маленькие, свиные. Морда бритая, усы книзу» [4, с. 445].

Автор блестяще передаёт стихию ярмарочного безудержа через просторечные диалогизмы, на которых построена вся эта история: «– А пробали с ним хлястаться-то?»

– Нет, не пробали... Чаво хлястаться? Знамо обжулит...

– А може и не обжулит? Не пробал, так не говори...» [4, с. 444].

В двух из «Невинных сказок» Ильин создаёт как бы две модели дальнейшего развития событий в некоей стране, где произошла, как он это иронически называет, «великая и бескровная». В сказке «Вонючая гора» революция символически предстаёт перед читателями как неожиданно появившийся на скрещенье больших дорог зловонный холм, мерзкий запах от которого стал разноситься на весь мир – «планетарно».

«Вылезла гора и утвердилась – вроде государства; во все стороны ошетижилась, снизу шипит, а наверху клоочет. Ближние соседи носы зажали; а с тремя англичанками даже дурно сделалось, – грогом отпаивали» [4, с. 434].

Как и в народных сказках, зло стремится подчинить себе весь мир: «Утвердилась гора и стала свои запахи по всем ветрам распускать; полетели гнойные пылинки, начали оседать, а где осядут, там сейчас же тоже вонючая горка делается... Беда, да и только: дороги перегорожены, ни пройти не проехать, ни товары провезти; и подойти противно, и дома сидеть беспокойно...» [4, с. 434]. Никакие попытки уничтожить эту гору не приводят к успеху. Наоборот, появляются оригинальные идеи: «это новая замечательная альпа поделалась, и мы должны на неё взобраться и вид посмотреть; может быть, нам от этого новые идеалы откроются. И начали лазить» [4, с. 435]. Плачевный результат не замедлил явиться: путешественники, побывавшие на горе, «все упачкались, да так и расхаживали ... были и такие, что после... всю жизнь только шептались и подмигивали во все стороны; и такие, что всамделе новые идеалы проповедывать стали, – надо де «всё отринуть» и «измараться» и через «всеобщую грязь и вонь настанет обновление жизни» [4, с. 435]. Дальнейшее развитие событий и вовсе неожиданное: «надумали соседи друг друга вонючей горой стращать», обращаться к ней

за помощью и даже ... молиться на неё! «Все повзбесились, всем гной в голову вступил» [4, с. 435]. В момент полного торжества горы она обнажает свою до того скрытую сущность – с грохотом взрывается, тысячи злых духов и огонь разлетаются по земле, «пришёл час сатаны: закрутил чёрный ураган». Но вслед за этим приходит и избавление: из жерла нового жуткого вулкана вдруг появляются трое самых простых «обувателей», «в обмотках истлевших», которых, казалось бы, давно и безнадежно засосала гора. Они появляются с руками, сложенными для крестного знамения и с громким возгласом: «Оборони, Господи, Расею нашу силою Духа Твоего!» «И только сказали – прокатился гром Господень и полил на землю невиданный дождь кровавый; и залил он гору вонючую и сравнял её с землёю... И очистилась вселенная от гною и смрада молитвою трех обувателей» [4, с. 436].

Другой, противоположный вариант исхода революции И.А. Ильин предлагает в сказании «Пылесос» (с подзаголовком «Монастырская легенда из эпохи большевизма»). Если предыдущая сказка по своему языку напоминает простонародную байку, то здесь всё строже и страшнее. В небольшом городке на соборной площади в глухую ночь появляется некий странный «серый человек» с бездонным мешком. Из него он извлекает «невиданную машину» с «пятиугольным красным немигающим глазом на конце» длинного хобота. Шепча «невнятные заклинания» с масонской символикой, он обводит воющим аппаратом весь город и исчезает. Последние слова заклинания: «...властны мы... наша риза ... царство ярости и тьмы» [4, с. 436-437]. Наутро в городе начинается полный развал.

Картину обезумевшего города Ильин перерабатывает короткими отрывистыми фразами: «Никто не шёл на работу. Никто не думал о делах, о службе, о детях. Все хотели **всего** и открыто высказывали свои желания... То и дело впадали в ярость, поносили друг друга и громко кощунствовали. Громили дома и волокли всё, что нравилось. Вспыхивали дикие

драки... К вечеру всюду валялись раненые и убитые... Ночью завязались кровавые побоища» [4, с. 437]. Через три дня город погибает, он «полон трупов, и ветер разносит пламя и смрад» [4, с. 438]. Не нашлось в нём даже трёх молящихся «обувателей», и судьба города безнадежна. Тем более это грустно, что всё действие «легенды» разворачивается вокруг большого собора в центре города.

Близки друг к другу и в то же время во многом противоположны сказки «Жертвенная овца» и «Медведица». С одной стороны, здесь появляются образы животных, под которыми подразумеваются люди, как это нередко бывает в литературных и народных сказках и баснях. С другой, первая из названных сказок рассказана с определённой долей теплоты и иронии, вторая же ближе всего к фольклорным «страшным рассказам». Лишь изредка в «Медведице» блеснут искры мрачного юмора.

Сказка «Жертвенная овца» даже начинается по-фольклорному: «Жила-была овца, добрая-предобрая» [4, с. 438]. Так же, как в других сказках и баснях, она подвергается опасности растерзания со стороны серого хищника-волка. По вине хозяина овцы, Ивана Шалого, волк получает беспрепятственный доступ к овце и её ягнятам. Это совсем не тот Иванушка-дурачок, добрый и непрактичный праведник, побеждающий зло и веселящий царевну Несмеяну! Лаконичный и саркастический портрет Шалого больше всего напоминает пародию на действия Советской власти с её пятилетками: «А Шалый и был шалый: добра не берёт, скота не стереёт, всё проматывал и пустые выдумки выдумывал. «Я, – говорит, – человек с планом: вот начну шубу выворачивать и опять вворачивать, пока три шубы сразу не сделается, тогда – на ярманку, продавать» ... Уж соседи над ним смеялись: твои, дескать, планы одни обманы да изъяны; а тот хорохорится: «я вам в обиду не дам, у меня, может быть, за овином сто пулемётов закопано ... хотел котят на шубы разводить и глиняную посуду в чепчики бил, чтобы будущим котяткам из чего

хлебать было...» [4, с. 438]. За этими занятиями он и не заметил, как в огромную щель в обветшавшем сарае проник волк и собрался напасть на овцу.

Если продолжать аналогию, можно предположить, что под волком с его шипением «низшая порода» подразумевается Гитлер, который начал уже своё страшное шествие по Европе в период написания автором «Невинных сказок». Философ пророчески своим чутким сердцем и трезвым умом ощущает, чем могут кончиться заигрывания с фашистами наивных русских людей, эмигрантов, надеющихся с помощью Гитлера победить коммунистов, граждан Советского Союза, поверивших в прочность договора о ненападении. Таких обольщённых писатель уподобляет овце. Она ведёт глупую и опасную беседу с хищным волком: «Заключимте с вами общественный договор. Не ешьте меня всю. Скушайте только утробу мою; она у меня сладкая и млекоточивая. Жертвую её вам для спасения семейства моего... А меня остальную и ягнятчиков моих отпустите на свободу!» И слышит в ответ: «Я, – говорит (волк), – вообще без согласия ем. И утробу можно. И мозжечок хорошо. А насчёт ягнятков видно будет» [4, с. 439].

И только с помощью соседей, которые сбежались и прогнали волка, жертвенная овца спаслась.

Интересно, что, несмотря на всю глупость и непрактичность овечьих речей, Ильин почти с нежностью говорит про неё, может быть, потому что она во многом представляется ему образом запутавшегося народа России. В начале сказки (пожалуй, это единственное такое лирическое место во всём цикле) автор с теплотой повествует о «жертвенном» животном: «И послал ей Бог пару ягнят, – тёплых, ласковых, гладеньких. Забота с ними! то облизни, то покорми, то утрей; отоспятся и сейчас опять лизать надо; только оближешь, опять сосать тычутся. И хлопотно, и сладко. Так и жила – за детей трепетала» [4, с. 438].

В «Медведице» эмоциональное напряжение сказочного цикла достигает своей

кульминации. Здесь также наибольшая концентрация событий — первый абзац повествования содержит в свернутом виде двухсотлетний период русской истории: от Петра I, который «принял» эту огромную и грозную медведицу «на рогатину у Ладожского озера» — до Николая I, который повелел из шкуры сделать чучело и поставить в спальне Зимнего дворца, — и далее: «Слышала она страшный взрыв в столовой дворца. Видела царя-мученика, умирающего в крови. Видела сына его, и внука, и правнука... Всё видела и слышала. Но ТАКОГО ещё не видала...» [4, с. 460].

Ильин делает огромную медведицу как бы мифическим чудовищем и свидетелем революции, несмотря на то что для всех вокруг она «просто чучело». Это даёт писателю возможность показать её глазами целую цепочку шаржей на глубоко омерзительных для него людей: предполагается, что читатель сам догадается, кто такие «бледный франт, челюсть вперёд, усы кверху» и другой «крикун дёрганный». Появляются во дворце «толстый, круглоносый, в чёрной куртке»; «плюгавый парикмахер с козлиной бородкой у злобного рта», «тупомордый Клим» и «хитрый грузин» [4, с. 461]. Более того, уже ожившая, но ещё стоящая на своём месте и не подающая признаков жизни медведица читает во взгляде «злых щёлок самозванного грузина» все планы дальнейшего развития событий: «и растленные помыслы о России; и кровавые, жадные замыслы его о других странах. О том, как русского мужика подорвать и в бараний рог согнуть; как из русских рабочих последние соки выжать; как красноармейца одурачить, как бывшего русского барина до конца раздавить; как истребить православного священника; а над тайной полицией сверхтайную сверхполицию учредить; и как всех непослушных коммунистов на колени поставить и в подвалах прикончить» [4, с. 462].

Не менее страшно то, что видела медведица своими глазами. Весь ужас революционных событий вмещается у Ильина в предельно сжатый текст, максимально насыщенный событиями и выразительный: «Слышала она

здесь допросы с пристрастием, с картавым визгом, с пистолетной стрельбой. Видела заседания и попойки. Слышала мерный стук и глухие выстрелы. ... Видела она и героев, и робких; и трусов, и предателей; и злодейство безмерное, и Архипастыря на допросе. Всё видела и слышала. И грозно молчала» [4, с. 461].

Медведица оживает не когда-либо, а именно в тот день, «когда православные люди про себя Рождество Христово справляли» [4, с. 462]. Тем самым повествование парадоксальным образом превращается в подобие святочного рассказа. Этот жанр, со своими строго определёнными условностями, которые не препятствовали бесконечному многообразию сюжетов, был на долгое время забыт в России после революции, а до переворота пользовался большой популярностью. В наше время он возрождается. Признаки этого жанра: чудесность события, которое, как правило, происходит в святочные дни, торжество справедливости с Божьей помощью в финале — присутствуют в ильинской сказке.

Было бы ошибкой считать, что, изображая, как неуловимый зверь с жутким рычанием обезглавливает одного за другим большевистских начальников, вплоть до «ненавистного грузина» — злобные мечтания автора или призыв к террору.

Медведица скорее символизирует неотвратимость возмездия за преступления, а также тот тёмный страх, который неотступно преследовал деятелей революции, не давая им насладиться в полной мере своей властью и заставляя уничтожать друг друга. В конечном итоге революция обречена — читатель это понимает по самой логике событий практически во всех ильинских сказочных повествованиях.

Можно сказать, что в сказках в полной мере проявилась уникальная и всецелая сосредоточенность Ильина-философа, Ильина-оратора, Ильина — публициста и писателя на судьбе России. Для него как будто ничего в мире больше не имело значения; жить и творить в любых крайне аскетических условиях во имя спасения Родины был его единственный способ существования.

Писательский талант и своеобразный склад ума Ильина, многообразное чувство юмора и умение с поистине афористической точностью и порой шокирующей читателя категоричностью выражать свои мысли, глубокое знание «изнутри» наследия русской культуры, подлинная духовность сделали сказки изгнанного из России мыслителя замечательной страницей в истории русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2: О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка. – М.: Русская книга, 1996. – 672 с.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 3 : О России и русской душе. Гении России. – М.: Русская книга, 1997. – 560 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. – [Доп. Т. 4], кн. 2: 1935-1946. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. – [Доп. Т. 5], кн. 3: 1947-1950. – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.
5. Павлова И.Б. Салтыков-Щедрин и его современники в поисках блага народа // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская литература». – 2011. – № 4. – С. 136-142.
6. Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 252 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» (РЯЗАНЬ, 26–28 СЕНТЯБРЯ 2012 Г.)

В 2012 г. отмечалась памятная дата — 200-летие со дня рождения выдающегося отечественного слависта академика И.И. Срезневского, которого по праву можно назвать одним из первооткрывателей и созидателей особого пространства нашего духовного мира в его «антропологическом» понимании — филологии. Его имя стоит в одном ряду с такими талантливыми умами России, как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов, открывавшими новые ориентиры для исторического познания национальных традиций словесной культуры, проникновения в её дух и плоть, — будто средневековые рыцари, они принимались за титаническую работу по просвещению людей своим оружием — Словом, которое для них было единственно возможным средством борьбы и реальной силой.

И.И. Срезневский — из той плеяды самородков, которые предугадали и всей своей жизнью проповедовали высокое назначение филологического труда в России, обогащая его подлинно научными методами и совершенствуя образовательную систему — от обучения детей в детском возрасте до профессиональной работы по составлению словарей и становлению лексикографической науки. Своими знаниями, личным опытом и многогранной работой на благо просвещения Родины И.И. Срезневский показывал ориентиры общественного служения человека, посвятившего себя филологическому труду.

Его вкладу в русское историческое языкознание и современным аспектам изучения диахронической лингвистики была посвящена международная научная конференция, организованная РГУ имени С.А. Есенина и Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 12-04-14131/12) и Правительства Рязанской области.

Во вступительном слове к участникам конференции проректор РГУ имени С.А. Есенина проф. В.В. Страхов отметил важность проводимого мероприятия не только для работников университета, но для всей научной общественности. Он особо подчеркнул, что старейший вуз региона гордится великим земляком и проводит активную работу и по изучению и пропаганде наследия И.И. Срезневского среди молодёжи на базе Научно-просветительского и культурно-образовательного центра академика И.И. Срезневского и межфакультетского студенческого научного общества срезневедов. Гости были вкратце ознакомлены с большой краеведческой и научно-педагогической работой, которую ведут сотрудники РГУ имени С.А. Есенина по увековечению памяти знаменитого земляка. В частности, и это стоит отметить прежде всего, в университете действует первый в России Музей академика И.И. Срезневского (его руководитель — заслуженный учитель РФ Н.В. Колгушкина — более 20 лет отдавала «срезневедению», по крупницам собирая реликвии, восстанавливая генеалогическое древо учёного и его славистические связи).

От имени Губернатора Рязанской области О.И. Ковалева заместитель Председателя Правительства Рязанской области Т.Н. Панфилова также поздравила участников и гостей конференции с юбилейными торжествами, подчеркнув, что имя Измаила Ивановича Срезневского

стало своего рода символом культурного человека. Она информировала гостей и участников конференции о создании в с. Срезневе Шиловского района Рязанской области ещё одного музея И.И. Срезневского в здании школы, построенной до революции по плану учёного на средства его учеников с целью увековечения памяти учителя. Т.Н. Панфилова выразила надежду, что имя и деятельность И.И. Срезневского будут способствовать активизации поисковой работы, связанной с воскрешением забытых имён, прославивших Рязанскую землю.

Официальную часть конференции завершил выступлением один из потомков И.И. Срезневского и его сына Б.И. Срезневского Айн Труу (Эстония), рассказавший о своем роде, его семейных ценностях и реликвиях, которые скрепляют родословное древо всех Срезневских.

Пленарное заседание открылось докладом В.Б. Крысько (Москва) «Русская историческая лексикография: под сенью И.И. Срезневского», в котором автор ознакомил слушателей с традициями подготовки и издания словарей в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН. К.М. Мак Роберт (Оксфорд, Великобритания) в своём выступлении «Новгородские антифональные псалтыри: языковые особенности и текстологическое значение» обратила внимание участников конференции на малоизученные рукописи и проанализировала редакции Софийской летописи, а также рассмотрела проблему авторства новгородских книжников. На лексическом уровне учёный аргументированно доказал участие новгородцев в создании исследованных текстов. О.В. Никитин (Москва) в докладе «Академик И.И. Срезневский: у истоков изучения истории русского языка» охарактеризовал основные направления развития языкознания, у истоков которых стоял И.И. Срезневский. О.В. Никитин особо выделил исключительный вклад учёного в составление древнерусских словарей и формирование им исторического словаря как особого жанра, в становление этнологического подхода к изучению языка, палеографии и лингвистического источниковедения.

В ходе секционных заседаний были обсуждены вопросы исторической грамматики древнерусского периода, источниковедения и лексикографии, русско-славянских связей учёного и его роли в становлении научного подхода к анализу исторических фактов.

Из прозвучавших докладов хотелось бы отметить выступления Г.С. Баранковой (Москва) «Текстологические и языковые особенности раннего древнерусского канонического сочинения «Предисловие покаянию», К.Р. Галиуллина (Казань) «Языковые интернет-комплексы — источники исторической русистики», И.М. Ладыженского (Москва) «Проблемы датировки и локализации первой части Софийского пролога», Л.Л. Мазитовой (Соликамск) «Рукописные источники Северного Прикамья: принципы издания и аспекты лингвистического описания» (секция «Источниковедение»).

На секции «Лексика древнерусского периода» особый интерес вызвали доклады Г.В. Судакова (Вологда) «О системе названий напитков в старорусском языке», рассказавшего об истории наименования русских кислых напитков — квас, кисель, лимонад и др.; Л.Я. Костючук (Псков) «Внимание в древнему слову в свете идей И.И. Срезневского», которая использовала богатейшие фонды псковского древлехранилища и рассмотрела отражение в старинных текстах региональных языковых черт (*всегли на конь* – *вм. всели* и т. п.); В.В. Плешаковой (Рязань) «О древнерусских благопожеланиях»; М.В. Пименовой (Владимир) «Устойчивые лексико-семантические единицы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и проблемы их изучения», изучившей проблемы анализа древнерусских устойчивых лексических единиц (*ариевъ ледъ, благодать воздати, Божию милостию, бесудная грамота, въ оутробе басни* и др.); В.И. Аннушкина (Москва) «Язык – речь – слово в истории русской филологии: фрагмент «Словаря» И.И. Срезневского» (секция «Лексика древнерусского периода»); К. Ватсон Кристин (Упсала, Швеция); Л.В. Прокопенко (Москва), детально проанализировавшей случаи лексико-семантических трансформаций в практике

древнерусских писцов и переводчиков (*различать – разлучать, ригати – рикати* и т. д.). В докладе Л.Ю. Астахиной (Москва) были рассмотрены так называемые «призрачные» слова в «Словаре» И.И. Срезневского (*кошенник, попудився, киперити сверлы* и др.).

В секции «Общая лексика и лексикография Нового времени» выделим доклады И.А. Малышевой (С.-Петербург) «Лексический фонд русского языка XVIII века: основные проблемы», проанализировавшей основные проблемы подготовки сводных реестров лексики для Словаря русского языка XVIII в.; Н. В. Николенковой (Москва), которая остановилась на особенностях лексики перевода Атласа Блау; знатока словарного дела Т.К. Ховриной (Ярославль) «Из истории переводной лексикографии Петровской эпохи»; В.Л. Васильева (Великий Новгород), ознакомившего аудиторию с этимологическими наблюдениям над лексикой русского северо-запада и севера (*водос, черёх*); С.М. Шамина (Москва), представившего историю возникновения слова *комета* в русском языке (*копийник, звезда-копие, звезда хвостатая* и т. д.). Доклад Л.С. Плавинской (Рязань) был посвящён происхождению фамилий рязанского дворянства XVI–XVII вв.

Оригинальным и содержательным был доклад С.А. Мызникова (С.-Петербург) «О некоторых скандинавских заимствованиях в древнерусском языке». Выступление Н.И. Зубова (Одесса) было посвящено исследованию вопроса о двойственном числе в древнерусском *Слове Исаии пророка*. А.Ю. Красикова (Вологда) проанализировала качественные прилагательные в русском языке XVIII века. Несостоявшийся доклад В.Ю. Конновой (Оксфорд, Великобритания) по имевшимся тезисам также привлёк внимание учёной аудитории интересным, новаторским подходом к «распознаванию» словообразовательных особенностей в материалах «Словаря русского разговорного языка» Марка Ридлея. Е.В. Глинка (Брянск) в своём выступлении рассказала о развитии семантической структуры глаголов с отрицанием, основываясь на Словаре И.И. Срезневского (секция «Историческая грамматика»).

Работа секции «И.И. Срезневский и научное наследие» проходила в Музее академика И.И. Срезневского РГУ имени С.А. Есенина. Было заслушано и обсуждено восемь докладов. О.В. Прискока (Киев, Украина) в выступлении «Византийская культура в научном наследии И.И. Срезневского» отметил высокий уровень филологической культуры в работе учёного с греческим материалом, его великолепное знание византийско-славянских связей, текстологически достоверную передачу исходных греческих эквивалентов древнерусских слов. К.В. Каверина (Москва) выявила значительный вклад Срезневского в области истории русской орфографии, сопоставив с данными М. Смотрицкого, раскрыла актуальность его трудов по палеографии, образцовый характер работы с рукописями (доклад «И.И. Срезневский о правописании»). В докладе Е.Н. Бекасовой (Оренбург) «И.И. Срезневский: классика предупреждений» был затронут острый вопрос об основе русского литературного языка. Опираясь на труды Срезневского, докладчица показала, что самым надёжным источником для моделирования лингвистической ситуации служат тексты, как книжные, так и деловые. Н.К. Жакова (С.-Петербург) в докладе «И.И. Срезневский и В. Ганка» рассказала о малоизвестных биографических фактах периода трёхлетнего пребывания Срезневского в славянских странах, о его дружбе с Вацлавом Ганкой. В докладе А.Ю. Козловой (Коломна) «Роль И.И. Срезневского в исследовании Толковой Палеи» уточняется датировка Александро-Невского списка Толковой Палеи (РНБ. СПбДА. А. I/119): версия Срезневского оказывается наиболее близкой к новейшей, сравнительно с другими. Д.Г. Демидов (С.-Петербург) в докладе «“Материалы...” И.И. Срезневского как источник исторической идеографии» показал неприменимость современной понятийной схемы к древнерусской лексике. Он предложил изменить её по типу: 1. Божественное. 2. Небесное. 3. Категория. 4. Существо. 5. Вещь. 1.1. Действие. 1.2. Отношение. 1.3. Человек. 2.1. Духовное. 2.2. Действие. 3.1. Бытие. 3.2. Различие. 3.3. Символ. 4.1. Бестелесное разумное. 4.2. Человек. 4.3. Живое. 4.4. Неживое. 5.1. Духовное. 5.2. Символ. 5.3. Неживое. 5.4. Действие.

5.5. Место и т. д. А.А. Никольский (Рязань) в докладе «Опыт словаря из “Ипатьевской летописи” Н.Г. Чернышевского» сообщил о работе Чернышевского над словарем в период его ученичества у Срезневского, оценил значение этой работы, опираясь на источник, исторические и биографические материалы. Т.В. Федосеева (Рязань) обратилась к вопросу о современном значении сложившегося при непосредственном участии И.И. Срезневского и Ф.И. Буслаева сравнительно-исторического метода, отметив, что обращение современных учёных к наследию академической отечественной науки может послужить средством к выходу из методологического кризиса. Работа секции была живой и результативной, доклады участников сопровождались дискуссиями и комментариями присутствовавших на заседании.

Одним из ярких событий, произошедших на конференции, стали круглый стол и презентация книги Н.В. Колгушкиной «Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России» (Рязань, 2011). Эта работа, по признанию её автора, задумывалась первоначально как собрание отдельных статей о жизни и научных работах учёного, но вскоре стало ясно: предпочтительнее построить её по тематическому принципу, при этом уделить внимание не только историко-культурным и литературным традициям XIX века, связанным с именем великого слависта, но и показать читателю развитие его замыслов в настоящее время, а замыслов этих было так много...

Представленная на конференции монография состоит из семи глав: I. И.И. Срезневский в кругу современников. II. К поискам родословной семьи Срезневских. III. И.И. Срезневский в кругу семьи. IV. Потомки рода Срезневских. V. «Дорогой для меня уголок Срезнева». VI. Срезневское в школе. VII. Музей академика И.И. Срезневского в современном университете и его роль в образовательной и воспитательной деятельности вуза. В книге читатель, прежде всего вузовский филолог, найдёт весьма ценные для него приложения, в частности: Положение об условиях и порядке присвоения премий Рязанской области имени академика И.И. Срезневского.

Участники конференции отметили, что книга рязанского краеведа-филолога Н.В. Колгушкиной исключительно богата свидетельствами человеческого и научного общения И.И. Срезневского с многими видными деятелями российской науки, литературы и искусства: Н.В. Гоголем, Ф.И. Буслаевым, Л.А. Загоскиным, Д.И. Менделеевым, Я.П. Полонским, А.Н. Майковым и др. Так, заслуживает внимания описанный в книге эпизод творческой дружбы И.И. Срезневского и Н.В. Гоголя, рассказ о трепетной любви молодого учёного к украинской старине, о сборе и публикации им богатейших материалов малорусской духовной культуры. Интересно и живо повествуется в ней о сотрудничестве В.И. Даля с И.И. Срезневским в деле создания «Толкового словаря живого великорусского языка», о чём свидетельствуют использованные Н. В. Колгушкиной письма В.И. Даля, хранящиеся в РГАЛИ.

Заключительный день конференции был отмечен памятным событием — поездкой в село Срезнево, в которой приняли участие потомки И.И. Срезневского из Эстонии — Айн Труу и Олег Лисенко, участники и гости конференции, общественность Шиловского района Рязанской области.

Итак, в ходе конференции были проанализированы и введены в научный аппарат редкие архивные материалы и исторические источники русского Средневековья и Нового времени, установлены и уточнены неизвестные факты из биографии И.И. Срезневского, собраны и обобщены результаты и достижения отечественных и иностранных учёных в области лингвистического источниковедения, подготовлен к печати сборник научных трудов участников конференции.

Жизнь И.И. Срезневского — «драгоценное достояние и памятник нашей народной образованности» — эти слова, сказанные учёным при разборе академического словаря, мы можем отнести и к Измаилу Ивановичу, чей облик будет жить в нашей памяти всегда.

**О.В. Никитин,
Е.П. Осипова,**

XLIV ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

16 января 2013 года на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова проходили XLIV ежегодные чтения, посвящённые памяти академика Виктора Владимировича Виноградова.

Предложенная организаторами тема: «Учителя и ученики, соратники и последователи» – позволила объединить в рамках конференции разные по содержанию доклады участников – исследователей грамматики, семантики, текста, жизнеописания известных учёных-филологов.

Конференцию открыла доктор филологических наук профессор М.Ю. Сидорова.

П.А. Лекант рассказал об этапах работы над разделом «Синтаксис» в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР 1952 – 1954 гг. Внимание слушателей было привлечено к противоречиям между содержанием II тома и «Введением» редактора – академика В.В. Виноградова; особенно заметно это проявилось в описании типов простого и сложного предложения. В целом же описание синтаксического строя современного русского языка соответствовало академическому статусу и стало серьёзным стимулом развития грамматической науки.

Д.ф.н. профессор П.А. Лекант

Зал (в первом ряду
д.ф.н. проф. В.Б. Крысько)

Историк языка В.Б. Крысько изложил результат своего многолетнего исследования источников памятника славянской литературы – канона Кириллу Философу.

Учёному-филологу, ответственному редактору и комментатору «Избранных трудов» В.В. Виноградова А.П. Чудакову был посвящён доклад В.Б. Катаева. Докладчик раскрыл талант А.П. Чудакова не только как лингвиста, но и как знатока русской жизни, русского быта, русских нравов, отразившихся в его художественных текстах.

Н.В. Перцов продемонстрировал образец текстологического анализа «Воспоминания» А.С. Пушкина. Н.В. Перцов представил копию авторского текста «Воспоминания», испещрённого многочисленными правками, отражающего сложность поэтического поиска А.С. Пушкина. В докладе была обоснована необходимость сохранения в академических изданиях А.С. Пушкина различных вариантов текста на основании авторских правок.

Внимание А.Н. Дмитриева в докладе «В.В. Виноградов и ленинградские младоформалисты» было сосредоточено на литературных вкусах и предпочтениях В.В. Виноградова, его блестящих способностях в анализе языка отдельных авторов, в частности М. Зощенко.

А.А. Смирнов в докладе «В.В. Виноградов и К.Фосслер» привлёк внимание слушателей к общим взглядам на стилистику двух учёных – В.В. Виноградова и немецкого лингвиста,

литературоведа и философа К. Фосслера. Несмотря на расхождения во взглядах на соотношение понятий «индивидуальный стиль» и коллективный «дух языка», они оба были и лингвистами, и литературоведами, и поэтому рассматривали лингвистическую стилистику в качестве посредника между писателем и стилем.

М.Я. Дымарский в докладе «Присоединение как особый тип синтаксической связи: от Л.В. Щербы – к В.В. Виноградову... дальше?» представил присоединение как особый тип синтаксической связи, когда разрыв присоединительной конструкции с основной «заполняется экспрессивными намёками», «части не умещаются в одну смысловую плоскость», по Виноградову. Сделав обзор существующих в лингвистике взглядов на присоединение, охарактеризовав специализированные и неспециализированные средства присоединения, М.Я. Дымарский заострил внимание слушателей на вопросе: присоединение – это связь? отношения? конструкция? Ответ докладчика: присоединение – это особый тип семантики.

А.Д. Шмелёв в докладе «Учителя, ученики и другие имена реляционной семантики» охарактеризовал валентность некоторых терминов родства *родители, вдова, вдовец, роженица* и др., а также терминов дружбы *знакомый, незнакомец, сослуживец* и др. Докладчик представил валентность такого рода имён существительных в следующей классификации: 1) контекстуальное заполнение валентности; 2) абсолютное употребление; 3) подавленная валентность. А.Д. Шмелёв обосновал необходимость лексикографического портретирования этих групп имён существительных в аспекте их сочетаемости.

Зал (в первом ряду
д.ф.н. проф. А.Д. Шмелёв)

Традиционные Виноградовские чтения в МГУ неизменно привлекают учёных всех рангов и титулов, неравнодушных к наследию гениального филолога – В.В. Виноградова. Они интересны гостям разнообразием обсуждаемых проблем, подходов к их изучению и решению. Это уникальная возможность для начинающих исследователей услышать и увидеть крупных учёных, развивающих научные идеи В.В. Виноградова. Благодарный отклик участников Виноградовских чтений вызывает и дружеская манера научного общения, и благодарная память о личности В.В. Виноградова и его огромном наследии.

*А.В. Канафьева,
Е.С. Лютова*

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.В. ЮДИНОЙ «РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: КРИЗИС? ЭВОЛЮЦИЯ? ПРОГРЕСС? В ПОМОЩЬ МАГИСТРАНТАМ». – М.: ГНОЗИС, 2010. – 293 С.

Модернизация высшего профессионального образования в России и переход на трёх-ступенчатую систему (бакалавриат – магистратура – аспирантура), помимо других проблем, вскрыла и проблему обеспеченности студентов современной научной литературой. Особенно это касается магистратуры. Учебников по базовым лингвистическим курсам почти нет, основные сведения черпаются из лекций, немногих учебных пособий и монографий. Материалы, опубликованные в интернете, не всегда отвечают предъявляемым требованиям. Именно поэтому заслуживает внимания книга Н.В. Юдиной «Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?».

Эта научная работа, отражающая многолетний труд лингвиста по изучению активных процессов в современном русском языке, может быть полезна студентам и магистрантам, обучающимся по направлениям «Филология», «Педагогическое образование», другим гуманитарным направлениям, в ходе обучения базовым дисциплинам «Современные проблемы науки и образования» и «Филология в системе современного гуманитарного знания», а также при изучении вариативных курсов, например, «Актуальные проблемы науки и образования».

Чем обеспечивается высокая практическая ценность этой монографии? Прежде всего, актуальностью поднимаемых проблем. Для будущего лингвиста в современных условиях важно понимать, какое место занимает русский язык в современном мире. Этот вопрос обсуждается в 1-ой главе книги «Русский язык в контексте глобализованного информационно-коммуникационного пространства XXI века». Подчёркивая, что глобализация затрагивает все сферы жизнедеятельности современного человека (политическую, экономическую, социальную, культурную и др.), автор выражает обеспокоенность тем, что «популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные, результатом чего может стать утрата ряда национальных культурных ценностей и традиций» (с. 17). В связи с этим особое значение в сохранении и развитии русского языка приобретает языковая политика государства. В книге описаны инструменты языковой политики, в частности, раскрывается содержание законов о языках и других правовых актов в сфере российского законодательства, регламентирующих статус языков на территории Российской Федерации, что, безусловно, следует знать профессионалу-филологу.

Предваряя разговор о современном состоянии науки о языке, Н.В. Юдина описывает основные этапы изучения русского языка, анализирует содержание понятия *русистика*, кратко характеризует лингвистические парадигмы в диахронии и современные направления языкознания.

Важнейшую часть монографии Н.В. Юдиной составляет глава «Особенности функционирования русского языка в начале XXI века». Здесь описываются активные языковые про-

цессы, затрагивающие все уровни языка: фонетический, лексический, морфемный, морфологический и синтаксический. Так в фонетической и просодической системах отмечается усиление «буквенного» (Е на месте Ё) произношения, связанное с непоследовательным употреблением буквы Ё в практике печати, тенденция к грамматизации ударения в именах и унификации безударности предлога в русском языке (перенос ударения на знаменательное слово даже во фразеологии: *бЕз году неделя* – *без гОда неделя*) и др.

Наиболее активно, как известно, проходят новые процессы в лексической системе языка. Н.В. Юдина характеризует русский язык начала XXI века как демонстрирующий «низкий уровень стабильности лексической системы» (с. 88) и отмечает основные тенденции развития языка в этой области: динамичная и регулярная смена лексических единиц, связанная с политическими, экономическими, социальными и научно-техническими изменениями в обществе; массовое вхождение в русский язык заимствований; разрастание сфер распространения жаргонной лексики и лексики ограниченного использования; стилистическое перераспределение лексических единиц и др.

В системе русского словообразования отмечаются следующие активные процессы: лавинообразный характер современного словообразования; возросшая продуктивность ряда словообразовательных моделей (особенно среди наименований лиц); большое распространение экспрессивно ориентированных единиц; процесс свёртывания наименований – компрессивный способ словообразования: *оборонка* – *оборонная промышленность*; новая волна аббревиации.

На уровне грамматики Н.В. Юдина выделяет усилившуюся в современном русском языке тенденцию к аналитизму, отмеченную ещё В.В. Виноградовым как характерную особенность развития русского языка. В русском языке XXI века «наблюдается нарастание аналитических черт» (с. 108), что проявляется в: увеличении класса несклоняемых имён; продуктивности использования нулевой флексии вместо нормативной материально выраженной; применении форм мужского рода для обозначения лиц женского пола; росте предложных словосочетаний; расширении круга расчленённых и сегментированных конструкций и др.

Автором монографии отмечаются и активные процессы, происходящие в современной русской орфографии и пунктуации, отражающие ослабевающий уровень владения письменной речью носителями русского языка: появление значительного количества орфографических и пунктуационных ошибок в печатных изданиях; расхождение между рекомендациями правил и орфографической практикой; несистематическое использование буквы Ё; несформированность орфографической нормы и появление орфографической вариативности в заимствованных словах; необоснованное использование экспрессивных возможностей русской графики (*ва-банкъ*, *Дягилев* и др.); пренебрежение пунктуационными правилами русского языка; не всегда обоснованное использование ситуативных и авторских знаков; изменение функций точки с запятой, двоеточия и тире и др.

Анализируя активные процессы в публичной речи, автор монографии выявляет одновременно сосуществующие и противоборствующие тенденции: демократизация/либерализация и вульгаризация/криминализация речи; интернациональность и варваризация; креативность и стереотипность; динамичность и небрежность; интеллектуальность и общее снижение речевой культуры. Эти процессы подробно анализируются и иллюстрируются собранным автором в ходе собственного исследования речевым материалом.

В главе «Русский язык и языковая личность» освещается история понятия языковая личность, обосновывается его важность для понимания функционирования и развития русского языка в целом, анализируется состояние речевой культуры на современном этапе. Автор отмечает наиболее острые проблемы в сфере русскоязычной речевой культуры начала XXI века, среди которых разграничивает экстралингвистические и интралингвистические (с. 156-159).

Специальная глава в работе посвящена языковой норме и её кодификации. Многолетний опыт работы позволил автору монографии проанализировать современное состояние лексикографической практики и сделать вывод: «Думается, что успех лексикографии XXI века будет состоять в адекватном конструктивном диалоге трёх субъектов межкультурного экстралингвистического континуума: «лексикограф – словарь – потребитель (носитель русского языка XXI века)» (с. 187).

Очень значима в монографии глава «Языковое образование и современная образовательная среда», в которой обосновывается роль культуры речи как важнейшей составляющей современной гуманитарной культуры, выявляется влияние лингвоэкологии на повышение речевой культуры общества, характеризуются пути и методы обучения русскому языку в современных социокультурных условиях. Автор проанализировал ряд Федеральных государственных стандартов школьного и вузовского уровня и подчёркивает, что коммуникативные компетенции обязательно обозначаются во всех ФГОС, но русский язык не включён во многие из них ни в качестве базовой, ни в качестве рекомендуемой вариативной дисциплины. Завершается эта глава перечнем задач, которые Н.В. Юдина считает приоритетными в сфере языкового образования в XXI веке (с. 234-239).

Заключительная глава монографии, эмоционально названная «Будем говорить по-русски правильно!», включает материалы из личного опыта автора по реализации «некоторых научно-практических проектов по сохранению культуры русской речи на территории Владимирской области» (с. 240). Здесь отражена конкретная работа Н.В. Юдиной как инициатора, организатора и участника «Службы русского языка во Владимирской области». Этот значимый гуманитарный проект был поддержан администрацией города и получил положительную оценку со стороны жителей города. Он, безусловно, полезен и для будущих филологов – студентов бакалавриата, магистрантов, аспирантов, вовлечённых в эту практическую работу.

Проблема «язык современного города» является одной из актуальных современных проблем лингвистики (см., например, работы Т.В. Шмелёвой и др.), поэтому региональный материал «Владимирская региональная языковая личность как объект лингвистического исследования», включённый в монографию Н.В. Юдиной, обладает особой ценностью. Здесь приводятся результаты научно-образовательно-исследовательского проекта «Речевой паспорт владимирской региональной языковой личности», в ходе которого были проведены мониторинг состояния речевой культуры населения Владимирской области, ряд социологических опросов, анкетирование, тестирование, еженедельный анализ печатных и аудиовизуальных средств массовой информации. Полученные результаты обрабатывались и обсуждались с привлечением студентов и аспирантов. По результатам проведённого исследования подготовлены «рекомендации и комплекс мероприятий, направленных на усиление роли русского языка в различных сферах деятельности на территории Владимирской области» (с. 257). Подробное описание проекта, его целей и задач, методов и результатов исследования позволяет использовать этот материал при организации аналогичных проектов в других регионах, а в уменьшенном формате может стать основой практических заданий для магистрантов, обучающихся на лингвистических направлениях подготовки.

Рецензируемая монография Н.В. Юдиной – глубокое научное исследование актуальных проблем современного русского языка, она содержит важный и практически направленный материал, что позволяет использовать эту книгу в качестве учебного пособия для магистрантов и аспирантов, изучающих актуальные проблемы современного русского языка новейшего времени.

Н.А. Герасименко

НАШИ АВТОРЫ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: nataly@Lsm.ru.

Духовнова Елена Олеговна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: deo03@mail.ru.

Душкина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: olyaogneva@rambler.ru.

Калинин Аркадий Федорович – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественнонаучных и специальных дисциплин Балашовского филиала Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова; e-mail: kalininarkadiy@mail.ru.

Калинин Станислав Станиславович – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: Stanislav.Obama@gmail.com.

Каменская Евгения Владимировна – аспирант кафедры русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, учитель русского языка и литературы гимназии «Мастер-класс»; e-mail: evgeniyakam76@mail.ru.

Капралова Ирина Геннадьевна – соискатель учёной степени к.ф.н. кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, начальник учебно-методического отдела факультета управления Государственного университета Министерства финансов Российской Федерации; e-mail: kapralova2009@inbox.ru.

Канафьева Алевтина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru.

Карпухина Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; e-mail: kafrus@pochta.ru.

Лаврушина Екатерина Вадимовна – кандидат филологических наук, зав.кафедрой русского языка Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова»; e-mail: milavru2010@yahoo.com.

Лютлова Екатерина Степановна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru.

Новикова Анна Сергеевна – лаборант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: novikans@gmail.com.

Тульская Ольга Сергеевна – соискатель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: godl87@mail.ru.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: oLnikitin@yandex.ru.

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и национальной культуры Российского государственного университета имени С. А. Есенина; e-mail: e.osipova@rsu.edu.ru.

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология» 2013. №2

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Л.В. Туркова*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная вёрстка *Д.А. Зверева*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 310 экз. Уч.-изд. л. 5,25, усл. п.л. 8,75.
Подписано в печать 16.04.2013. Заказ № 41 .
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях, написан в контексте современной научной литературы и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имён, цитат, формул, цифр несёт ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на её публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определённой серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из протокола заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определённую серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik-mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации).

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Авторам».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Турковой Людмиле Валентиновне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru